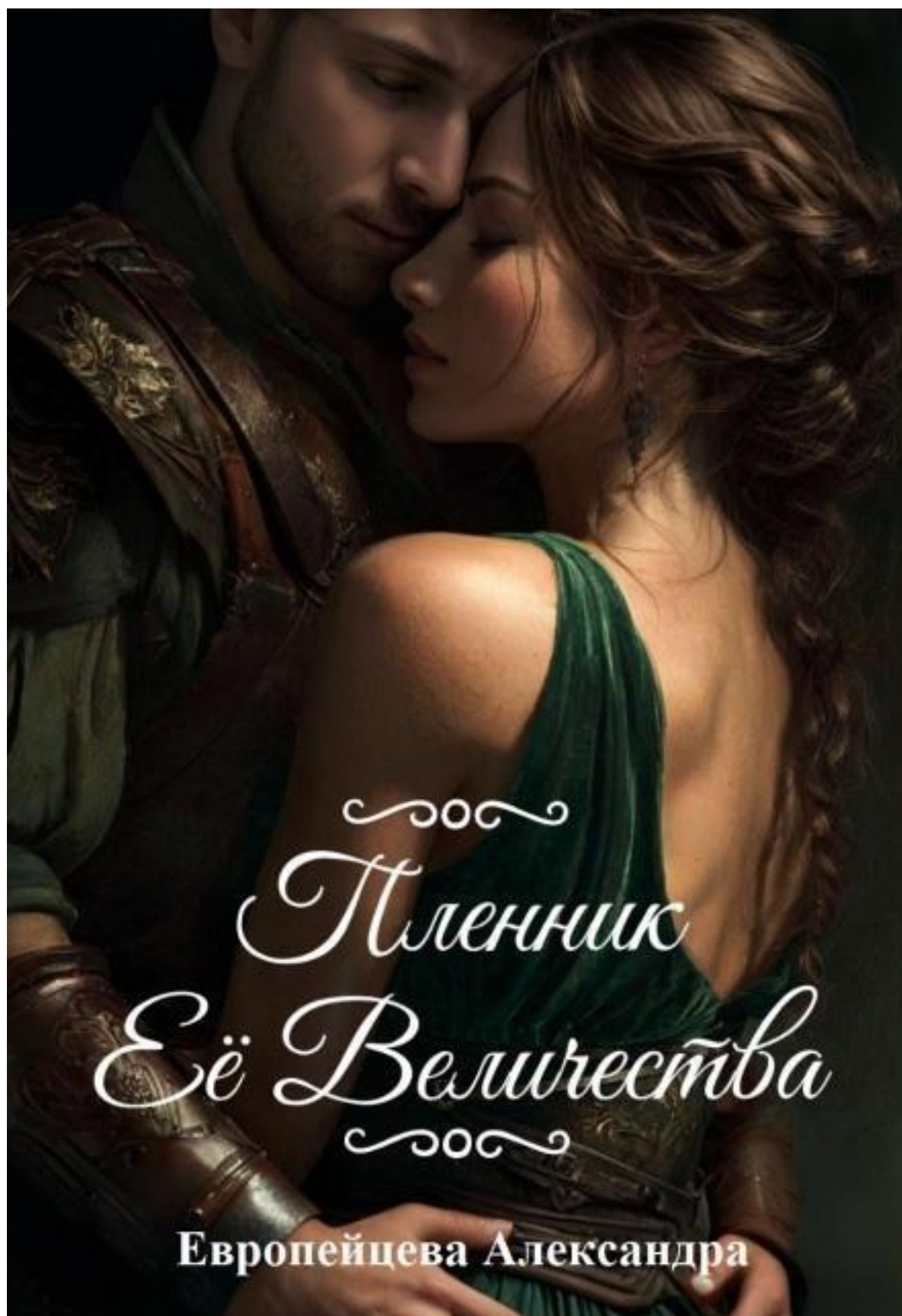

Пленник
Её Величества

Европейцева Александра

Европейцева Александра
Пленник Ее Величества

«Литнет»

2026

Александра Е.

Пленник Ее Величества / Е. Александра — «Литнет», 2026

Проиграв войну, генерал Элдар теряет всё: честь, свободу и силу дракона. Теперь он пленник, добровольно приговоривший себя к смерти, чтобы спасти своих людей. И готовится к казни, как к последнему долгу командира. Но судьба, словно в насмешку, дарит ему долгожданную встречу с той самой женщиной, чей призрачный образ согревал его в плену. Как дракону без крыльев выжить в стране вчерашнего врага, под взглядами, полными ненависти и презрения? Как завоевать женщину, которая держит ключ от его цепей и однажды уже разделила с ним ложе? И что сильнее: долг пленного генерала или желание человека, обретшего последний шанс на жизнь? Уважаемые читатели. Я планировала выложить бонусные главы, о чем говорила в комментариях, но... что-то пошло не так! И бонусная глава про Флипа вдруг превратилась в черновик второй книги. Я не специально, оно само! . В общем, ждите второй роман про Реми, Элдара, Флипа и теперь уже его невесту!

© Александра Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4.	23
Глава 5.	28
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	48
Глава 9	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Глава 1

Деревянная крытая повозка тряслась на разбитой дороге, и каждый удар колеса о камень отдавался глухим стуком в костях. Внутри, в густых сумерках, пахло потом, пылью и кровью. Солдаты, сбитые в кучу телом к телу, уже спали тяжким, забывчивым сном поражения. Кто-то тихо стонал от боли — ровно, на выдохе, будто даже в беспамятстве помня о дисциплине.

Элдар сидел, прислонившись спиной к сырым доскам борта. На руках тяжело лежали кожаные наручи, на вид почти изящные, с вытертым тиснением чужого герба. Они жгли кожу неумолимым подавлением, заглушая зверя внутри. Магия в них была крепкой и холодной, как цепь. Снять их могла, как объявил победивший полководец, только их королева. Окончательный приговор.

Он закрыл глаза, отгородившись от храпа и стонов, уплывая мыслями к дому. Перед ним встал образ отца, такого же темноволосого, как и он, и прямого, как меч в ножнах, учившего его держать строй еще до того, как Элдар научился держать ложку. Матери, чьи руки пахли лавандой и воском для паркета, и которая читала ему сказания о драконах. Деда, что водил его на соколиную охоту и первым заметил в десятилетнем внуке трепет при виде высокого, чистого неба. Бабушки, умевшей печь пироги с такой золотистой корочкой, что даже на нее, строгую хранительницу рода, смотрели сквозь пальцы.

Его пальцы нашли в кармане мягкого мундира шелковый лоскут полотна. Белый женский платок с кружевами. Он вытащил его, не глядя, и сжал в кулаке. Ткань была тонкой, почти невесомой, последней нитью, связывающей его с другой жизнью.

И мысль, против воли, рванулась туда — в бальный зал, залитый светом тысячи свечей. Музыка, смех, блеск украшений. И она. Незнакомка в платье цвета ночного моря, с темными, собранными в сложную прическу каштановыми волосами и спокойными, все видящими глазами. Они танцевали. Ее рука в его ладони была легкой, но уверенной. А внутри, под грудью, где спал его дракон, все сжалось в один огненный, неоспоримый вопль: «Моя».

Он, опьяненный этим кличем и ее близостью, наклонился и прошептал на ухо предложение, от которого порядочная дама должна была дать ему пощечину. Она же отклонила голову, взглянула на него темным, бездонным взглядом и... кивнула. Всего один раз, едва заметно.

Он увез ее в свое городское поместье. Ночь была спутанной, жаркой, лишенной слов, но полной каких-то иных, невысказанных обещаний. А утром он проснулся один. Вторая половина широкой кровати была пуста, смята, и на подушке не осталось ни одного темного волоса. Только призрачное ощущение тепла и запах ветра с дальних гор и чего-то горького, вроде полыни. И белый, забытый на полу платок.

Повозка налетела на особенно глубокую выбоину, и все тело пронзила боль. Солдат рядом крикнул и перевернулся на бок. Элдар открыл глаза. Серый свет раннего утра пробивался сквозь щели в брезенте.

«Как жаль, — прошептал он в такт скрипу колес, сжимая платок так, что суставы побелели. — Как жаль, что не хватило времени...»

Не хватило времени найти ее. Не хватило времени стать для кого-то больше, чем просто генералом-драконом, герцогом, винтиком в машине войны. Теперь этого времени не будет вовсе.

Впереди, за холмом, уже вырисовывались заостренные частоколы и крыши барачков временного лагеря. Слышались чужие, бодрые голоса победителей.

Повозка с глухим стуком въехала за частокол и остановилась. Брезент откинули, и внутрь ударил слепящий, равнодушный солнечный свет.

— Выходи! Построение! Живо!

Голос был хриплым, беззлобным, привыкшим к повиновению. Солдаты, спросонья и от боли, зашевелились, начали выползать наружу, спрыгивая на утопанную землю. Элдар вышел последним. Кожаные наручи на солнце показались ему еще более постыдными, чем в темноте. Это был яркий знак побежденной мощи. Он спрыгнул, ощутив прилив крови к ногам, и потянулся, разминая затекшие мышцы спины и плеч. Суставы хрустнули, тело отозвалось приятной, живой болью. Он невольно улыбнулся уголком губ. После тряски и неподвижности даже это простое движение было благом.

Улыбка замерла, когда он огляделся. Его людей, его солдат и офицеров, уже грубо выстраивали в неровные шеренги на плацу. Полковник Хагерт, его заместитель, пытался на ходу поправить мундир, его лицо было землистым от усталости, но поза — выпрямленной. Молодой лейтенант, тот самый, что стонал ночью, держался за бок, но поднял подбородок, увидев своего генерала.

Элдар двинулся к строю. Шаги по чужой земле отдавались непривычной пустотой. Его место было перед строем. Или высоко в небе, над ним. Стоять в общей шеренге, чувствуя локти соседей, слышать их сдавленное дыхание было странно. Унизительно, по-новому, простодушно. Он встал в конец шеренги, рядом с тем самым раненым лейтенантом. Тот дрогнул, хотел что-то сказать, но Элдар едва заметно мотнул головой: «Молчи. Стой».

Солнце палило в затылок, слепило, заставляя щуриться. Пыль, поднятая сотнями ног, висела в воздухе золотистой дымкой. Из большого шатра с вышитым гербом-фениксом вышли двое. Не военные. Шли неспешно, о чем-то переговариваясь. Полненький, рыжеватый, в дорогом, но немарком камзоле, жестикулировал. Второй, высокий и сухой, с лицом аскета, лишь кивал, внимательно оглядывая строй пленных.

Это были министры. Те, кто решал судьбы, не пахнувшие потом и кровью.

Они остановились в нескольких шагах от шеренги. Рыжеватый чиновник обвел всех равнодушным, оценивающим взглядом скотовода.

— Ну что ж, — начал он громко, чтобы слышали все, и его голос был гладким, как отполированный стол. — Согласно законам войны и милости нашего королевского дома, вы — военнопленные. Содержание каждого из вас ложится на казну. А казна, — он развел руками, — не бездонна.

Его коллега, высокий и сухой, с лицом аскета, холодно добавил, обращаясь больше к своему собеседнику, чем к ним, но слова его резали воздух с ледяной чёткостью:

— Совершенно верно. И есть вопрос принципа. Ваш король вероломно пересёк нашу границу и развязал эту бойню. За агрессию должно последовать наказание. Просто развязать вам руки и указать на дорогу домой будет расценено как проявление слабости. Такой шаг наши собственные солдаты и народ сочтут предательством памяти павших. А ваши правители сигналом, что на нас можно напасть безнаказанно. Это станет прямым приглашением к реваншу, как только вы переведёте дух. Мы не можем этого допустить. Безнаказанность рождает новую войну.

Элдар слушал, глядя в землю у своих ног. Внутри у него всё сжалось в холодный, тяжёлый ком. Он прекрасно понимал эту логику. Он бы рассуждал так же на их месте. Поражение должно быть горьким, ощутимым, болезненным для всей страны-агрессора, чтобы отбить охоту снова тянуться к оружию. Солдаты в строю — это не просто люди. Это актив, ресурс, орудие и символ. Вернуть их домой даром — всё равно что вернуть врагу его меч, лишь слегка затупившийся. Глупо. Опасно. Он ненавидел эту холодную, бесчеловечную арифметику власти, но не мог в ней отказать. Он был её частью. И теперь её жертвой.

— Совершенно верно. Поэтому мы приняли решение. — Он снова посмотрел на строй, и теперь в его глазах промелькнуло что-то вроде делового сожаления. — Мы отправим гонца к вашему королю. Если в течение двух недель от него не последует выгодного предложения по

обмену или выкупу... — Он сделал театральную паузу, давая словам просочиться в сознание уставших людей. — Вы будете расстреляны.

По шеренге прошел тихий, сдавленный гул. Кто-то задрожал. Полковник Хагерт стиснул зубы, его скулы заиграли желваками.

— Однако, — высокий чиновник поднял палец, и его голос перерезал этот гул, как нож, — его светлость генерал-герцог Элдар Ашвинг будет отправлен домой. Его семья назначила за него выкуп.

Все головы, как по команде, повернулись к Элдару. В глазах солдат была пустота, недоумение, а у некоторых горькое понимание. Их разменяли. Их жизни стали разменной монетой в дипломатии, а его нет. Он был слишком ценным активом, даже в наручах.

Элдар сделал шаг вперед, выходя из шеренги. Земля под ногами словно горела.

— Я требую аудиенции у вашего короля, — его голос, хриплый от долгого молчания, прозвучал на удивление четко в наступившей тишине. — Я предлагаю свою жизнь за жизнь каждого из этих людей. Они лишь исполняли приказ. Их долг сражаться. Мой долг отвечать за них.

Рыжеватый министр отмахнулся, будто от назойливой мухи.

— Не в вашем положении что-либо требовать.

Генерал, не опуская головы, перевел взгляд с одного равнодушного лица министра на другое.

— Сколько заплатила за меня моя семья? — его вопрос прозвучал не как просьба, а как требование отчета.

— Достаточно, — отчеканил старший из сановников, сверяясь со свитком. — Сумма более чем внушительна.

— Хватит ли, — генерал сделал паузу, заставляя тишину натянуться струной, — чтобы выкупить свободу моим солдатам?

Рыжеватый министр замер с полуоткрытым ртом. Высокий медленно, будто с некоторым усилием, перевел взгляд на генерала. В его ледяных глазах мелькнуло что-то вроде ошеломленного любопытства.

— Вы предлагаете... — он подобрал слово, — распределить ваш личный выкуп... на всех них?

— Именно так, — Элдар кивнул. — Вы сказали — сумма более чем достаточна. Если моей жизни назначена цена, пусть она оплатит их свободу. Всех.

Тишина на плацу стала гулкой, наполненной затаенным дыханием сотен людей. Рыжеватый министр, оправившись, заерзал.

— Это... неслыханно! Выкуп — это за вас! И потом... — он понизил голос, сделав шаг вперед. — Ваша светлость, вы ведь умный человек. Вы понимаете, что мы не можем просто... оставить вас здесь. Даже в этих наручах.

Высокий чиновник кивнул, почти не заметно, давая говорить коллеге.

Рыжеватый продолжил, вглядываясь в лицо Элдара, словно ища в нем признаков страха.

— Вы дракон. Даже скованный, вы представляете... непредсказуемый риск. Мы не можем позволить вам жить среди нас. Вы понимаете, к чему я клоню?

Он не назвал слово «казнь» напрямую. В этом не было нужды. Элдар слушал, не меняясь в лице. Он понял с первого же слова. Понял еще до того, как сел в ту повозку. Быть драконом в плену у тех, кого ты пытался сжечь, — это приговор сам по себе. Наручи лишь оттягивали срок исполнения.

— Я понимаю, — сказал он тихо. — Я понимаю прекрасно. Именно поэтому мое предложение имеет для вас смысл. Вы получаете золото. А я... — он на мгновение замолчал, будто взвешивая свое следующее слово на весах судьбы, — я получу то, что мне нужно. Их жизнь и свободу.

Но высокий чиновник замер. Он пристально, почти пронзительно посмотрел на Элдара, потом на его руки, сжатые в кулаки, на которых темнели кожаные наручи. Что-то в этом взгляде было ледяным и расчетливым.

— Это решение должно быть ратифицировано двором. И... — он снова прищурился, — если сумма окажется недостаточной на всех, освобождены будут лишь некоторые. По выбору победившей стороны.

— Нет, — ответил Элдар без колебаний. — Все. Или никто. Либо вы принимаете мое условие, либо возвращаете выкуп моей семье и исполняете первоначальный план. Но делить людей на «достойных» и «недостойных» свободы не в моих правилах. И, как мне кажется, — он едва уловимо повысил голос, — не в правилах королевства, которое гордится своим «милосердием и законностью».

Высокий чиновник долго смотрел на него, а потом, неожиданно, уголок его тонкого рта дрогнул — не в улыбку, а в нечто похожее на тень уважения или, может быть, понимания сложной игры, в которую только что вступили.

— Я доложу, — коротко сказал он. — О вашем... встречном предложении. Ожидайте.

Он развернулся и быстрым, целеустремленным шагом направился к шатру. Рыжеватый остался, нервно покусывая губу, избегая смотреть в глаза пленникам.

Время растянулось. Солнце пекло немилосердно. В строю кто-то пошатнулся, его поддерживали соседи. Элдар стоял неподвижно, чувствуя, как капли пота медленно сползают по позвоночнику. Он смотрел на заслоненную пологом дверь шатра, за которой решалась его судьба. Нет. Не его. Их.

Высокий чиновник вышел. Лицо его было непроницаемым. Он подошел совсем близко.

— Двор согласен, — произнес он. — Если в течение двух недель от вашего короля не поступит иных, выгодных нам предложений, ваше условие будет принято.

Он отступил, и его громкий, официальный голос вновь заполонил плац:

— Доставим наше предложение вашему королю. А пока — в бараки!

Конвоиры зашевелились, сгоняя людей с плаца. Элдар побрел за остальными, чувствуя, как смесь ледяного облегчения и абсолютной пустоты заполняет его изнутри. Он поймал взгляд полковника Хагерта. Тот ничего не сказал. Просто кивнул. Один раз. По-солдатски.

Это был самый тяжелый кивок в его жизни.

Их разместили в длинном, низком бараке с прогнившими стенами и земляным полом. Запах сырости, дешевой смолы и отчаяния вьелся в дерево насквозь.

Элдар наблюдал, как его люди входят внутрь. Несколько десятков человек, еще недавно составлявших отлаженный механизм полка, теперь неуклюже толпились в тесноте, сбиваясь в кучки, как овцы в загоне. Глаза метались, оценивая жалкие нары в два яруса, дырявую бочку с водой у входа, единственную, закопченную печку-буржуйку посередине. Молчание было густым и горьким.

Потом кто-то тихо выругался. И это, как щелчок, разбудило в Элдаре что-то старое, глубоко вшитое. Генерал внутри него поднял голову, отодвинув дракона и пленника.

— Хагерт, — его голос, привыкший резать шум ветра на высоте, прозвучал в тишине резко и ясно. — Осмотреть помещение на предмет угроз обрушения. Особенно углы и крышу у печи.

— Так точно, — отозвался полковник, и его спина автоматически выпрямилась.

— Лейтенант Верн, — Элдар кивнул бледному юноше, державшемуся за бок. — Составить список раненых. Определить, кому нужна смена повязок, кому просто покой. Запросить у охраны кипятка и чистую ветошь. Не требовать. Просить. Формулировка: «для предотвращения эпидемии в лагере».

— Слушаюсь, ваша светлость.

— Остальные, — Элдар обвел взглядом остальных, — разделиться на тройки. Первая расчищает пространство у входа и организует место для приема пищи. Вторая проверяет нары, укрепляет шатающиеся доски. Третья отвечает за поддержание огня и кипячение воды. Смены через четыре часа. Вопросы?

Вопросов не было. Сработал старый, как мир, рефлекс солдата: когда мир рушится, цепляйся за приказ. За простые, понятные действия. Замешательство сменилось движением. Люди зашевелились, заговорили тихими, деловитыми голосами. Стукнуло дерево, заскрипели доски, зазвенело ведро.

Элдар стоял у двери, наблюдая, как хаос постепенно, с трудом, обретает подобие порядка. Его слушались. Не потому что боялись. Страх здесь притупился, уступив место апатии. Слушались по привычке. Потому что его голос был последним якорем в этом шторме, последним куском родной, понятной земли. Он отдавал короткие, четкие команды, и они выполнялись. Это было маленькое, хрупкое чудо.

К нему подошел седой унтер-офицер с лицом, изрезанным шрамами и морщинами.

— Спасибо, ваша светлость, — прощамкал он, глядя куда-то в сторону Элдарового плеча. — За то что... в строю с нами стояли. И за предложение ваше. Не каждый бы...

Элдар не нашелся, что ответить. Просто положил руку на грубую ткань его мундира, на секунду сжав плечо. Жест был красноречивее слов.

Потом подошел молодой арбалетчик, глаза которого еще помнили ужас последней битвы.

— Мы не бросим вас, герцог. Если что... мы вернемся.

— Ваша задача — вернуться домой, — тихо, но твердо возразил Элдар. — Жить. Больше от вас ничего не требуется. Это приказ.

Мальчик кивнул, губы его дрогнули, но он сглотнул и быстро отошел, делая вид, что занят проверкой крепления нары.

Вечером, когда в барак спустились сизые сумерки, а дымок от буржуйки пополз под потолок, в помещении установился некий подобие быта. Раненые лежали на расчищенных и укрепленных нарах, укрытые тем, что нашлось — шинелями, кусками брезента. У печки дежурил солдат, помешивая в котелке с кипятком нехитрую кашу. Кто-то тихо переговаривался, кто-то уже спал, воспользовавшись минутной безопасностью.

Элдар сидел на ящике у двери, глядя на этот островок вымученного спокойствия в море чужой воли. В кармане его пальцы снова нашли белый платок. Он не вытаскивал его. Просто чувствовал шелковистую ткань. Эти люди благодарили его за то, что он обрек себя на смерть.

Он был их генералом. Он вел их в бой. И он должен был привести их домой. Любой ценой. Даже если цена — это он сам.

Снаружи, за стеной, прошел патруль. Шаги были мерными, уверенными. Шаги победителей.

Две недели. Четырнадцать дней. Он проживет их, как прожил этот — командуя, организуя, будучи той скалой, за которую они могли держаться. А потом... Потом он проведет их до ворот лагеря и останется стоять смотреть вслед. Это будет его последний приказ. И его последняя победа в этой проигранной войне.

Две недели тянулись, как густая смола, переливаясь из дня в день однообразной чередой. Утро начиналось с хриплой команды дежурного и распределения скудного пайка из черного хлеба и мутной баланды. День заполнялся работой по лагерю: чинили частокол, грузили повозки, рыли канавы. Работа была тяжелой, но Элдар видел, как она спасает его людей. Усталость тела притупляла тревогу ума. Вечерами в бараке, при свете чадающей коптилки, кто-то тихо рассказывал байки, кто-то чинил обмундирование, а лейтенант Верн, чья рана понемногу затягивалась, учил молодых солдат грамоте, чертя буквы угольком на доске.

Элдар оставался центром этого маленького, дисциплинированного мира. Он следил за сменой дежурств, разрешал мелкие споры, своим спокойным, не допускающим возражений

тоном гасил вспышки отчаяния или злобы. Он был их генералом до конца. И чем ближе был срок, тем крепче они держались за этот привычный порядок, за его фигуру у печки, за его краткие, ясные слова. Благодарность в их глазах сменилась чем-то более глубоким и горьким — немым обетом, преданностью, которую уже не выразить словами.

Накануне четырнадцатого дня Элдар написал письмо. На обороте карты, пером, выпрошенным у писаря охраны, он вывел чёткие, лишённые витиеватости строки отцу. О том, как принял решение. О том, чтобы не мстили. О том, чтобы позаботились о семьях тех, кто не вернётся. Письмо он запечатал куском сургуча, растопленным на пламени свечи, и спрятал на груди.

Утро назначенного дня выдалось серым и сырым. Туман цеплялся за частокол, скрадывая звуки. В бараке царила напряжённая тишина. Все были одеты, вещи собраны в тощие котомки. Ждали.

Дверь с глухим скрипом открылась.

Вошёл рывчатый министр в том же немарком камзоле. За ним два стражника с каменными лицами. Влажный холод потянулся с ним внутрь.

Министр окинул барак быстрым, деловым взглядом, слегка сморщив нос от запаха дыма и сырости. Его взгляд скользнул по выстроившимся в молчаливую шеренгу людям и остановился на Элдаре.

— Ответа от вашего короля не поступило, — объявил он громко, отчеканивая каждое слово, как будто зачитывая сухой бухгалтерский отчёт. — Ни выкупа, ни предложений по обмену. Королевский двор счёл их молчание достаточным ответом.

В бараке не дрогнул ни один мускул. Они знали. Ждали именно этого.

— В соответствии с ранее озвученными условиями, — продолжил министр, — солдаты и офицеры проигравшей стороны будут сегодня погружены в обозы и под конвоем отправлены к границе. Им будет выдано двухнедельное пропитание на дорогу.

Он сделал паузу, переводя взгляд непосредственно на Элдара. В его глазах не было ни злобы, ни торжества. Была лишь холодная констатация факта.

— Казнь генерал-герцога Элдара Ашвинга состоится завтра на рассвете, после того как обозы покинут территорию королевства. Во избежание... нежелательных эксцессов.

Полковник Хагерт резко дёрнулся вперёд, но Элдар едва заметным движением руки остановил его.

— Вам, генерал, — министр вынул из-за пазухи небольшой, чистый конверт, — в порядке исключения, разрешено передать с вашими людьми одно письмо. Для доставки вашей семье. Вы можете попрощаться. У вас есть один час. После чего солдаты будут выведены на плац для прогрузки.

Он положил конверт на ближайшую лавку, кивнул стражникам и вышел, не оглядываясь. Дверь за ним прикрыли.

Наступила тишина, густая и полная. Её нарушил Элдар. Он негромко кашлянул, выпрямился и медленно обвёл взглядом лица своих людей. Каждое, родное в своей обветренной, уставшей мужественности.

— Вы слышали приказ, — сказал он, и голос его был ровным, командным. — Полковник Хагерт, примите командование колонной. Следите за дисциплиной на марше. Не давайте повода для провокаций. Ваша задача — дойти. Все до одного.

— Ваша светлость... — начал Хагерт, голос его сорвался.

— Это не просьба, полковник. Это приказ, — отрезал Элдар, но в его взгляде, встретившемся с взглядом старого солдата, промелькнуло что-то иное — доверие, просьба, товарищество. — Передайте это отцу, — он достал из-за пазухи запечатанное письмо и протянул Хагерту. Тот взял его, и его рука дрожала.

Потом Элдар шагнул к строю. Он не говорил громких речей. Он подходил к каждому, клал руку на плечо, иногда называл по имени, иногда просто смотрел в глаза и коротко кивал. «Береги себя, Дурен». «Выздоровливай, Верн». «Расскажи сыну про дракона, унтер». Слова были простыми, скупыми, но в них была вся тяжесть прощания и вся сила благословения в дорогу.

Когда он закончил, он снова встал перед ними, отдал честь. По-уставному чётко.

— Служил короне. Служил с вами. Честь имею.

И они, как один, взметнули руки к вискам. Молча. В этом беззвучном салюте была вся их благодарность, вся скорбь и вся клятва помнить.

Через час дверь открылась вновь. Конвоиры начали выводить их по одному. Элдар стоял у печки, не двигаясь, провожая каждого взглядом. Последним уходил Хагерт. Он обернулся на пороге, его глаза блестели. Он хотел что-то сказать, но лишь с силой стукнул себя кулаком в грудь над сердцем. И скрылся в серой мгле.

Дверь захлопнулась. Щеколда с громким, окончательным лязгом упала снаружи.

Элдар остался один. В пустом, внезапно огромном и зябком бараке. Эхо последних шагов замерло в воздухе. Он медленно опустился на ту самую лавку, где лежал чистый конверт. Завтра на рассвете. У него была ещё одна ночь. И вечность тишины.

Глава 2

Элдар не шевелился, сидя на лавке. Он сознательно отпускал внешний мир, как корабль отдаёт швартовы. Сначала исчезли очертания потемневших бревен, закопченной буржуйки, пустых нар. Они растворились в серых сумерках, просачивающихся сквозь щели. Потом он перестал слышать далёкие звуки лагеря — окрики, лай собак, скрип телег. Осталось только тиканье внутренних часов, отсчитывающих последние часы.

Мысли его не метались. Они текли медленно, как ледяная вода подо льдом.

Сначала он вернулся к дому. К кухне в родовом гнезде, где бабушка раскатывала тесто, а запах корицы и яблок смешивался с запахом горящего воска от её свечи. Он увидел большие, шершавые, с белым шрамом на костяшке руки отца, поправляющие пряжку его первого тренировочного меча «Выпустить дракона — значит применить последний аргумент, когда все остальные доводы исчерпаны» — вспомнился голос отца. Что ж. Доводы были исчерпаны. Война была проиграна. Его дракон стал не аргументом, а обузой. Ирония была горькой, как полынь на языке.

Потом пришли лица солдат. Не строем, а по одному. Молодой лейтенант Верн, пытающийся скрыть боль, чтобы не расстраивать других. Седой унтер с шрамом через бровь, молча делавший свою работу вдвое лучше других. Хагерт, чья преданность была ему поддержкой. Элдар перебирал их, как чётки, давая каждому мысленное напутствие, прося прощения за то, что не смог привести их домой иначе. Он почти физически ощущал, как последняя нить, связывающая его с ними, натягивается, истончается и вот-вот порвётся, когда они уйдут за горизонт. Это была приемлемая боль. Знакомая.

Затем, преодолевая внутреннее сопротивление, он позволил себе думать о ней. О тёмных глазах, в которых отражался бальный свет и что-то неуловимо далёкое. О лёгкости её тела в танце, о тихом согласии, которое тогда казалось победой. Зачем? Почему она исчезла? Он вытащил из кармана платок. В почти полной темноте белизна его была призрачным пятном. Он не подносил его к лицу. Не было нужды. Запах тот давно выветрился. Остался только шелк.

«Как жаль...» — подумал он без надрыва, с тихой, ясной горечью человека, который понял цену упущенного лишь в тот момент, когда и цепляться уже не за что. Она была возможностью другой жизни. Жизни, где он был бы не генералом Ашвингом, а просто Элдаром. Возможно, мужем. Возможно, отцом. Эта жизнь теперь казалась не реальным упущенным шансом, а красивой и печальной сказкой, которую он рассказал сам себе в плену. Было легче думать о ней как о сказке. Так меньше болело.

Дракон внутри спал, подавленный холодным огнём наручей. Лишь изредка, глухо, на уровне смутного чувства, просыпалось первобытное негодование. Ярость существа, рожденного для полёта, обреченного на плаху. Элдар приглушал его, как умел. «Ты — часть меня, — мысленно говорил он тому тлеющему углю в груди. — И мы умрём достойно».

Ночь тянулась. Холод пробирался под мундир. Он не ложился. Спать значило украсть у себя часть этой последней ночи, проспав последние часы бытия. Он сидел, выпрямив спину, глядя в одну точку в темноте. Временами он ментально проверял свой внутренний настрой, как проверял бы караул перед смотром. Ни страха, ни паники. Было холодное любопытство. Что он почувствует в последний миг? Увидит ли вспышку? Услышит ли команду? И — странная, отстраненная мысль — станет ли его дракон в момент смерти освобожденным духом или просто погаснет?

Он не молился. Он уже совершил всё, что мог. Теперь он просто ждал.

Серость за щелями постепенно стала теплеть, сизая мгла отступать. Рассвет.

Он встал. Суставы затекли и остро заныли, но он выпрямился, встряхнул головой. Размял плечи, почувствовав привычную тяжесть наручей. Он сгрёб в ладонь пригоршню холодной

воды из бочки у входа, провёл по лицу, затылку. Встряхнулся. Капли, холодные как сталь, скатились за воротник. Он поправил мятую ткань мундира, насколько это было возможно.

Он был готов.

Лёгкая полоска света под дверью стала золотистой, потом ярко-жёлтой. Солнце поднялось над частоколом. Где-то запел петух, послышались обыденные утренние звуки: скрип колодца, приглушённые голоса. Время казни, назначенное на рассвет, прошло.

Элдар нахмурился. Он подошёл к двери, посмотрел в щель. Никого. Ни конвоя, ни стражников. На плацу, залитом утренним солнцем, мирно прогуливались двое обозных солдат, таща телегу с бочками.

Недоумение, острое и колючее, вонзилось в выстроенный за ночь душевный бастион. Что это? Проволочка? Новое решение двора? Издевательство?

Он сделал шаг назад, прислушался. Сердце, до этого бившееся ровно и медленно, вдруг глухо стукнуло где-то в горле. Он заставил себя дышать глубже.

«Держись. Что бы это ни было, оно не должно тебя сломать. Ты уже принял смерть. Всё остальное лишь детали».

Прошёл час. Солнце поднялось выше, луч через щель в крыше упал прямо на то место, где он стоял, осветив клубящуюся в воздухе пыль. В бараке стало душно. Он снял мундир, остался в простой походной рубаше. Кожа наручей, прогретая телом, казалась ещё более чужой и постыдной.

Он начал ходить. От двери к дальней стене и обратно. Ровными, мерными шагами. Как часовой. Но часовой на посту знает, когда его сменят. У него не было смены.

Мысли, до этого такие упорядоченные, начали путаться. Готовность к немедленному финалу сменилась лихорадочным, выматывающим ожиданием. Каждый скрип за дверью, каждый отдалённый окрик заставлял его вздрагивать внутренне, собираться, готовиться выйти навстречу. И каждый раз — ничего. Звенящая пустота продолжалась.

«Они забыли?» — мысль была абсурдной. Казнь генерала-дракона, герцога, не забывают. «Передумали? Испугались мести семьи?» Возможно. Но тогда почему не пришли сказать? Оставить его гнить в этом бараке, в подвешенном состоянии между жизнью и смертью — это была попытка куда более изощрённая, чем простой расстрел.

К полудню жажда и голод дали о себе знать. Он подошёл к бочке, зачерпнул воду, выпил. Вкус был затхлым, с привкусом древесины. Еды не было. Он не просил. Просить означало признать, что он ещё жив, что правила игры изменились, а он не понимал новых правил.

К вечеру первого дня ожидания в нём что-то надломилось. Холодная отрешённость сменилась ледяной, беззвучной яростью. На палачей. На себя. На эту нелепую ситуацию. Он, Элдар Ашвинг, дракон из рода Ашвингов, готовился умереть как воин, а его заставили ждать, как провинившегося ученика. Унижение, острое и свежее, жгло сильнее, чем любое физическое страдание.

Когда дверь наконец открылась, он уже не стоял по стойке смирно. Он сидел на лавке, спиной к двери, уставясь в стену. Шаги были лёгкими, невоенными.

Вошедший был не солдатом и не министром. Это был пожилой слуга в простой, но чистой ливрее, с подносом в руках. На подносе стояла миска с дымящейся, ароматно пахнущей похлебкой, ломоть белого свежего хлеба и кружка воды.

Слуга молча поставил поднос на лавку рядом, кивнул и развернулся, чтобы уйти.

— Стой, — голос Элдара прозвучал хрипло, он не пользовался им целый день. — Что это значит? Где конвой? Когда казнь?

Слуга обернулся.

— Мне было лишь велено отнести вам пищу, — сказал он просто, нахмурившись. — Я спрошу у Ее Величества по поводу казни. А пока ешьте, пока тёплое.

И он вышел. Щеколда снова упала, но звук её был уже иным — не окончательным приговором, а дверью в камеру неизвестности.

Элдар посмотрел на пар, поднимающийся над миской. Запах был простым, наваристым. Жизнь, в её самом базовом проявлении, настойчиво протягивала ему руку. Рот наполнился слюной, а желудок сжался от голода. Он сжал кулаки. Раздражённый дракон внутри слабо шевельнулся.

Он не тронул еду. Лишь снова сел, глядя сквозь пар, поднимающийся над миской, будто пытаясь разглядеть в нём контуры своей новой, абсурдной участи. Казнь откладывалась. Его оставили в подвешенном состоянии, как меч в ножнах, который забыли вынуть для удара.

Он даже не услышал первых быстрых, беспорядочных, не в такт шагов снаружи. Дверь распахнулась так резко, что ударилась о стену, и в проёме, залитом косыми лучами заходящего солнца, возникли две знакомые фигуры.

Рыжеватый министр и его высокий, аскетичный коллега. Но теперь в них не было и тени холодной официальности. Одежда была в лёгком беспорядке, у одного съехал набок воротник камзола, у другого растрепаны обычно безупречные волосы. Лица были бледными, запыхавшимися, а на лбу рыжеватого выступали крупные капли пота.

Они остановились, переводя дух, и их взгляды, полные тревоги упали на Элдара. На нетронутый поднос. На его спокойную, выжидающую позу.

Высокий министр откашлялся, пытаясь вернуть себе хоть толику достоинства, но голос его срывался на хрипоту.

— Генерал Ашвинг... — начал он, и Элдар отметил про себя отсутствие «ваша светлость».

Рыжеватый, не выдержав, перебил, слова вылетали пулемётной очередью:

— Казнь отменена! Приказ Её Величества!

В бараке воцарилась тишина, в которой звенело их прерывистое дыхание. Элдар медленно поднял взгляд, но не встал. Просто позволил молчанию растянуться, ощущая, как внутри, под грудью, что-то тяжёлое и ледяное начинает медленно, со скрипом, сдвигаться с места.

— Объяснитесь, — сказал он тихо.

Министры переглянулись. Высокий сделал шаг вперёд, собравшись с духом.

— Её Величество... получила донесение о положении пленных. И о вашей участи. Она сочла казнь бессмысленной жестокостью, не соответствующей духу закона и достоинству короны.

Он говорил гладко, но глаза его бегали. Рыжеватый не выдержал и добавил, понизив голос до сдавленного шёпота, словно боялся, что стены услышат:

— Мы... мы должны принести вам извинения. За задержку и за то, что не известили сразу. Это лишь досадное недоразумение.

«Досадное недоразумение». Слова повисли в воздухе. Элдар посмотрел на них, на их испуг, на их попытку сохранить лицо. И всё встало на свои места.

Они хотели его помучить. Сломать. Оставить в неведении, в ожидании, чтобы последние часы стали пыткой надеждой, которую сам же и вырвешь с корнем. Чтобы генерал-дракон, герцог, унился до дрожи в пустом бараке. Возможно, это была их маленькая, никём не санкционированная месть. Или просто чиновничья подлость, основанная на уверенности, что о пленнике, обречённом на смерть, никто не вспомнит.

А потом пришёл слуга. И доложил куда следует. Королю. Королеве.

И теперь эти двое, получив свою выволочку — Элдар почти физически видел её в их вытянутых лицах, в дрожании рук, — примчались сюда, чтобы загладить вину. Из страха перед гневом монарха, который, очевидно, был не в курсе их мелкой, жестокой игры.

Элдар медленно поднялся с лавки. Наручи звякнули, но звук этот теперь казался иным — не символом бессилия, а напоминанием о том, что даже в них он остался опасен.

Он подошёл к министрам на расстояние, с которого можно было видеть, как дрожит веко у рыжеватоого.

— Я понимаю, — сказал Элдар. — «Досадное недоразумение». Слуга доложил во дворец. Видимо, Её Величество, а возможно, и Его Величество, не были проинформированы, что я не знаю об отмене казни. И поэтому вы сейчас здесь.

Рыжеватый министр побледнел ещё сильнее. Высокий попытался возразить:

— Генерал, вы неверно толкуете...

— Я всё толкую верно, — перебил Элдар, и в его глазах, наконец, вспыхнул тот самый холодный огонь, который не мог выпустить дракон. — Вы пришли потому, что получили приказ исправить оплошность. Без него ноги бы вашей здесь не было, а я еще долго оставался в неведении. И потому что боитесь, что я не приму ваших извинений.

Он повернулся, отошёл к подносу, взял кружку с водой. Выпил медленно, одним долгим глотком. Ставя кружку обратно, сказал уже через плечо, тихо, но так, чтобы каждое слово отпечаталось в тишине:

— Ваши извинения я принимаю. Но знайте — я не забуду сегодняшний день. Как урок о том, как здесь обращаются с пленными, когда думают, что на них не смотрят.

Он обернулся к ним снова. Лицо его было спокойным, почти бесстрастным.

— Что теперь? Если Её Величество отменила казнь, каков мой статус?

Министры, оглушённые его прямой, лишённой всякой игры речью, замерли. Потом высокий, собравшись, выдал из себя:

— Вы остаётесь военнопленным. Вас переведут в столицу. Вам предоставят жильё и... работу. Надзирать будут, но содержание будет достойным. Ваша семья... ваша семья уже уведомена об изменении условий.

— Хорошо, — Эльдар кивнул. — Когда отправляемся?

— Завтра на рассвете, — поспешно ответил рыжеватый, явно радуясь возможности говорить о практических деталях. — Вам принесут чистую одежду, пищу. Поедите вместе с остальными нашими солдатами.

Элдар снова кивнул. Затем взгляд его упал на нетронутую похлёбку.

— Скажите тому слуге, что был днем... — он на секунду запнулся, — скажите, что генерал Ашвинг благодарит его за своевременный доклад.

Не дожидаясь ответа, Элдар повернулся спиной к ним и подошёл к маленькому оконцу, глядя на угасающий день. Жест был ясен: аудиенция окончена.

За его спиной несколько секунд царило молчание, потом слышались шаркающие шаги и тихий, торопливый шепот. Дверь закрылась. На этот раз щеколда упала беззвучно.

Элдар стоял у окна, глядя, как последний луч солнца догорает на частоколе. Гнев, холодный и острый, ещё klokотал внутри. Но поверх него уже нарастало настороженное, хищное любопытство.

Королева отменила казнь. Народная королева, как поговаривали даже в его лагере. Та, что одна могла снять эти наручи.

Странная мысль. О королевском дворе Интеррегнума они не знали почти ничего. Ни о короле, ни о королеве. Да и о самом королевстве сведений было немного — тихое, замкнутое государство где-то за горами на западе, не участвовавшее в крупных союзах и конфликтах. Ни торговых споров, ни территориальных претензий. И с чего их король решил объявить войну королевству, которое вообще никого не трогало? На памяти Элдара — да и в летописях, которые он изучал — такого вообще никогда не случалось. Война началась внезапно, будто с неба упала, и так же стремительно была проиграна.

Он попытался представить себе это королевство, о котором так мало слышал. Интеррегnum. «Междущарствие»? Странное название. А двор? Он закрыл глаза, пытаясь выстроить образ из обрывков слухов и собственных догадок. Старый, консервативный, опутанный церемониями, как паутиной? Или молодой, едва сформировавшийся после недавней смены власти? Почему приказ об отмене казни исходил именно от королевы? Где был король? Болен? Безвольная фигура? Или его просто не существовало, и на троне сидела женщина, что в его родных землях было бы немыслимо?

Его собственная королева, которой он служил, была тенью за тяжелым парчовым занавесом, голосом, вещающим через герольдов. А здесь... «Народная королева». Он слышал слухи от своих солдат, что общались с теми немногими пленными, которых удалось захватить. Что их королева спокойно выходит из дворца в город, общается с простым народом. Немыслимо! И за каждого, каждого своего пленного солдата, которых было правда всего пару десятков, она, в отличие от их короля дала щедрые откупные. Та, чье вмешательство спасло его от пули или топора палача. Почему? Милосердие? Расчет? Желание показать силу, даровав жизнь тому, кого все уже считали мертвецом?

Вопросы жужжали в голове, как пчелы в разоренном улье. Ответов не было.

Передвигаться вместе с солдатами было бы удобно. Не в карете под усиленной охраной, а в обозе, среди рядовых. Он услышит их разговоры, уловит интонации, непринужденные реплики о своей правительнице, о столице, о жизни здесь. Солдатская правда редко бывает лестной, но она всегда честна. Возможно, перед самым приездом в столицу, в последние дни пути, он сможет узнать что-то. Собрать кусочки мозаики, которая нарисовала бы ему картину этого странного места, этой незнакомой власти, что теперь держала его жизнь на ладони.

Он повернулся от окна. В бараке уже почти стемнело. На лавке по-прежнему стоял нетронутый поднос. Запах похлебки стал едва уловимым, призрачным. Элдар медленно подошел, взял ложку. Еда была уже холодной, жир застыл плёнкой на поверхности. Он зачерпнул и поднес ко рту. К Армину гордость! Ему понадобятся силы в дороге. И может быть... может ему удастся убедить королевский двор отпустить его. Со временем. А для этого нужно остаться живым.

Глава 3

Утро принесло с собой пронзительную свежесть и шум сборов. Элдар вышел из барака под конвоем двух молчаливых стражников. Ему выдали простую, но чистую одежду из грубого полотна — темные штаны, серая рубаша, просторный плащ-накидка, скрывавший наручи. Ни мундира, ни знаков отличия. Теперь он был не генералом, а просто одним из многих.

Его провели через лагерь к главным воротам, где уже формировался обоз. Повозки, груженные припасами и снаряжением, выстраивались в длинную, неторопливую колонну. Пешие солдаты, человек пятьдесят, стояли кучками, курили, перебрасывались шутками. Увидев его, разговоры стихли на секунду, и десятки любопытных, настороженных, безразличных глаз скользнули по его фигуре, задержались на плотно застёгнутых манжетах плаща, скрывавших кожаные браслеты. Потом, будто по команде, все отвернулись, предпочитая его не замечать.

Элдара поставили в середину колонны, между двумя повозками с зерном. Конвоир, молодой сержант с усталым лицом, кивнул на пустое место на доске у задка передней телеги.

— Садитесь тут, Ваша Светлость. Не болтайте. С телеги до остановки тоже вставать не советую. Понятно?

Элдар молча кивнул и устроился на указанном месте. Дерево было холодным, шершавым. Он огляделся. Людей было действительно мало для сопровождения обоза такого размера. Лишь небольшая охрана, да пара десятков пеших, скорее для вида, чем для реальной защиты. В центре колонны, за двумя крытыми фургонами с ценными трофеями, тянулась неказистая, но прочная карета. Деревянная, выкрашенная в темно-зеленый цвет, без гербов и позолоты. Окна затянуты плотными шторами из темной ткани. Карета для важных персон, но без помпы. «Министры» — решил Элдар. Те самые.

Раздалась негромкая команда, колонна тронулась. Сперва медленно, преодолевая инерцию груженных повозок, потом ровнее, под мерный скрип осей и глухой топот копыт. Лагерь остался позади, уступив место холмистой, поросшей жухлой травой равнине. Дорога была наезженной, но разбитой, и телегу регулярно подбрасывало на ухабах.

Элдар сидел, прикрыв глаза, делая вид, что дремлет, но все его чувства были настороже. Он слушал. Сперва только привычные звуки дороги: скрип, лошадиное фыркание, переключки возниц. Потом, постепенно, до него начали доноситься обрывки разговоров солдат, шагавших неподалеку.

— ...а Реми вчера опять всех магов обходила, у кого резерв на нуле был. Восстанавливала. Испен говорит, что разговаривала, как простая...

— Ну и что?

— Да не в том дело... Тут... А вдруг кто из наших напился бы, да под юбку полез?!

— Дурак. К ней пьяный не подойдет. Её каждый знает. Тронь — весь полк на защиту встанет. Чего ей тут бояться, все свои?

Элдар чуть приоткрыл глаза, наблюдая за говорящими. Двое пеших, один постарше, коренастый, второй — молодой, долговязый. Спорили беззлобно, по-домашнему. О какой-то Реми.

— Говорят, с тем драконом... с пленным, значит... Ее Величество разговаривать будет, — понизил голос молодой, кивнув в сторону Элдара, не глядя прямо.

— Откуда знаешь?

— Дядя в дворцовой охране. Слышал, она приказала в городе ему место подобрать, работу. Не в каземат, понимаешь? Странно.

— Расчет, — отмахнулся старший. — Семья у него могущественная. Держать как заложника — умно. Убивать — глупо. Мсть потом будет страшная.

— Может, и так... А может, просто... жалость.

— Жалость? У королей? Ты еще сказки рассказывать будешь.

Разговор перекинулся на другие темы — на жалованье, которое задержали, на новых рекрутов, на цены в столичных тавернах. Элдар снова прикрыл глаза, переваривая услышанное. Жалость? Расчет? Оба варианта были возможны.

День клонился к полудню. Солнце стояло высоко, разгоняя утренний холод. Колонна остановилась у мелкого ручья, чтобы напоить лошадей и дать людям передохнуть. Элдар слез с телеги, размял затекшие ноги. Ему принесли краюху хлеба, кусок сыра и кожаную флягу с водой. Отнеслись без особого интереса, но и без унижительной жалости. Хотя за время дороги он уже не раз ловил на себе и откровенно неприязненные взгляды.

Он отошел в сторонку, сел на камень, начал есть. В этот момент зеленая карета поравнялась с ним и остановилась чуть впереди. Окно со стороны Элдара было закрыто шторой, но второе, с противоположной стороны, приоткрылось. И в этой щели Элдар увидел лицо. Пожилое, с умными, внимательными глазами и аккуратной седой бородкой. Тот самый слуга, что приносил ему похлебку в барак.

Слуга о чем-то оживленно беседовал с кем-то внутри кареты, слегка наклонив голову. Его губы двигались, он жестикулировал одной рукой, держа в другой какую-то небольшую книгу или блокнот. Элдар не слышал слов, но выражение лица слуги было не раболепным, а скорее почтительно-настойчивым, как у старого, опытного управителя, докладывающего хозяину о делах.

Затем слуга кивнул, сказал еще что-то и отодвинулся. Штора на окне со стороны Элдара на мгновение дрогнула, будто от движения внутри. Сквозь плотную ткань ничего нельзя было разглядеть, только смутный контур второго сидящего человека. Но Элдар понял, что за этой шторой сидел не просто министр. Манера слуги, сама атмосфера этого тихого, делового разговора... Это был кто-то выше. Кто-то, кто не стал бы ехать в простой карете посреди обоза просто для сопровождения пары чиновников.

Министры, испуганные и униженные вчера, наверняка ехали бы впереди, с почетом, а не здесь, в гуще солдат и повозок. И слуга докладывал не им.

Мысль была странной, почти неправдоподобной. Но она засела в сознании, как заноза. Что, если... Нет. Безумие. Никто из королевской семьи не поедет инкогнито с обозом трофеев и припасов. Это абсурдно.

Окно захлопнулось. Слуга исчез из виду. Через несколько минут раздалась команда к выступлению. Элдар вернулся на свое место на телеге. Карета тронулась, продолжая путь в центре колонны, неприметная и молчаливая, как и прежде.

Путь до столицы занимал несколько дней. На второй день их небольшой обоз нагнал, а затем и влился в основной поток возвращающихся войск, напоминавших триумфальный марш.

Дорога превратилась в широкую, утоптанную тысячами ног тропу, по которой нескончаемой рекой текли солдаты Интеррегнума. И впервые Элдар увидел их не на поле боя, а вблизи.

Они шли бодро, но без лишней бравады. Некоторые пели песни. Разговоры были негромкими, больше о доме, о том, что ждет в столице. Но в их глазах читалось глубокое, тихое удовлетворение. Они возвращались домой.

Именно тогда он разглядел их снаряжение. И почти у каждого солдата и офицера, от рядового пехотинца до конного офицера, на груди поверх кольчуги или камзола блестело серебристое, размером с ладонь, кольцо металла. Оно было тонким, изящным, с едва видимой резьбой, и лежало точно над сердцем.

Элдар узнал их. На поле боя эти блески превращались в смертельный блеск для его солдат. Защитное поле, которое формировал этот артефакт, было невидимым, но его присутствие ощущалось как легкая рябь в воздухе. Пробить его в ближнем бою было почти невозможно. Мечи и копья соскальзывали, теряя силу, стрелы замирали в сантиметре от кожи и падали. Маги Эльхарии месяцы бились над созданием клинков, способных рассеять эту магическую

броню. И когда, наконец, отковали первые партии, было уже поздно — армия Интеррегнума стояла у самых границ королевства.

Но больше всего его поразило другое. Среди солдат он увидел много женщин. Они шли в строю наравне с мужчинами, без выделения в отдельные отряды. Носили ту же простую, но добротную форму, лишь слегка скорректированную под женские фигуры. Никто из солдат-мужчин не бросал в их сторону косых взглядов, не отпускал шуток. Отношение было спокойным, деловым, как к равным боевым товарищам. Для Элдара, выросшего в мире, где женщина на поле боя была редчайшим исключением, и чаще служила в качестве лекаря либо повара, это зрелище казалось ему диким.

Присмотревшись, он понял: почти все женщины в рядах были магами. Их руки были свободны для жестов, лица сосредоточены, но не напряжены.

И тогда в памяти Элдара всплыли картины последних сражений. Он не видел ни одного мага Интеррегнума в ближних рядах. Никто из них не бросался врукопашную, не водил в атаку отряды огненными клинками. Они оставались на дальних флангах, на возвышенностях, за линиями щитов, куда заклятия его собственных магов едва долетали, теряя силу и точность.

Даже одно мощное заклятие, брошенное на такое расстояние, требовало от мага Эльхари колоссальных затрат энергии и долгой подготовки. Маги его армии, после трех-четырех таких ударов опустошались, их приходилось отводить в тыл, поить эликсирами.

Но с другой стороны заклятия летели непрерывно. Они метали их одно за другим: ледяные шипы, кинетические удары, сгустки ослепляющей энергии. И пока одни атаковали, другие поддерживали те самые щиты, что защищали строй, или подзаряжали артефакты на груди у солдат, чьи камни начинали мигать, предупреждая о истощении.

Всё это было безумием. Противоречило всем законам магии, которые он знал. Резерв не бесконечен. Истощить его до дна — рисковать здоровьем, рассудком, жизнью.

И тогда его взгляд уловил деталь, которую он раньше не замечал или не придавал ей значения. Почти у всех на среднем пальце правой руки было кольцо. Серебряное, простое. Но в его оправе сиял камень, цвет которого менялся. От белого, почти прозрачного, он мог перелиться в ярко-синий, изумрудно-зеленый или теплый янтарный. Цвета пульсировали в такт их тихому разговору или в момент, когда они на ходу поправляли что-то в своей амуниции.

Артефакт усиления? Возможно. Но такие артефакты лишь направляли и фокусировали собственную силу мага, делали заклятья эффективнее. Они не создавали магию из ничего. Они не наполняли опустошенный колодец.

А что, если колодец никогда не пустел?

Мысль ударила его, как обухом по голове. Он отогнал её. Ерунда. Такого не бывает. Даже драконы, эти природные резервуары магии, нуждались в подзарядке. Бесконечная магия — это сказка для детей.

Но доказательства маршировали рядом с ним. Сотни доказательств в походных сапогах, с кольцами на пальцах и без признаков магического истощения на лицах.

Вопросов было больше, чем ответов.

Вечером третьего дня армия раскинула огромный походный лагерь у подножия синих гор, уже видневшихся на горизонте. Столица, как объяснил кто-то из возчиков, была всего в двух переходах. Элдара разместили в небольшом отдельном тенте под усиленной, но ненавязчивой охраной. На ужин ему принесли уже не баланду, а тушёное мясо с овощами и свежий хлеб. И снова тот самый слуга в ливрее лично пришёл проверить, все ли в порядке.

Он молча осмотрел скромную палатку, кивнул стражникам, затем его взгляд упал на Элдара, сидевшего на походной койке.

— Есть ли у вас нужды, генерал? — спросил он нейтрально. — Завтра путь будет долгим.

— Нет, — коротко ответил Элдар. Потом, после паузы, добавил: — Спасибо.

Слуга слегка наклонил голову, и в его глазах промелькнуло что-то, что Элдар не мог расшифровать.

— Ночь будет холодной. Постарайтесь отдохнуть.

И он удалился, скрывшись в лабиринте огней и шатров.

Элдар вышел из палатки, чтобы размять ноги. Охрана не препятствовала, лишь следовала на почтительном расстоянии. Лагерь кипел жизнью. Горели костры, слышался смех, звон котлов. Солдаты чистили оружие, а те самые серебристые кольца на их груди в свете пламени отливали неярким сиянием. Он видел, как двое молодых бойцов подзывают мага, и тот, приложив руку к их артефактам, на несколько секунд наполнял их тусклым, ровным светом. Подзарядка. Простота и скорость процесса снова говорили о высочайшей системности.

Он поднял взгляд к горам. Где-то там, за их грядями, лежала столица этого загадочного королевства. Ветер с гор принёс запах хвои и свежести. Дракон внутри, привыкший к таким высотам, глухо и тоскливо шевельнулся, почуяв родную стихию. Но наручи, холодные и неумолимые, тут же сжали его порыв, обратив в смутную, беспомощную тяжесть в груди.

Завтра он увидит столицу. Завтра начнётся новая глава его плена. Он вернулся в палатку, лёг на жёсткую койку и уставился в темноту над головой. Предчувствие, острое и необъяснимое, щекотало нервы. Дракон отчего-то беспокойно шевелился внутри, словно чувствовал... что-то. Это было не страх. Скорее, зудящее нетерпение охотника, чувствующего близость дичи. Элдар усмехнулся. До дичи ли сейчас?

* * *

Они вошли в столицу глубокой ночью, когда даже лунный свет казался сонным и размытым. Элдар успел лишь мельком разглядеть высокие, приземистые силуэты домов с черепичными крышами, узкие мостовые, выложенные гладким, отполированным временем камнем, и редкие фонари, бросающие на стены дрожащие овалы света. Город спал. Только где-то вдалеке слышалось мерное постукивание ночного дозора да шорох ветра в листве деревьев, пробивавшихся сквозь каменные паутины переулков.

Обоз распался на главной площади, замощенной темным гранитом, в центре которой возвышалась статуя, но рассмотреть ее в темноте было невозможно. Солдаты молча разбрелись по казармам, повозки увозили в сторону больших амбаров. Элдара отвели в сторону, где у фонтана, уже безмолвного на ночь, их ждал тот самый слуга в темном плаще поверх ливреи. С ним было четверо военных. Эскорт.

— Генерал, — слуга кивнул. — Прошу за мной. Вас разместят.

Они повели его прочь от площади, углубляясь в лабиринт узких, извилистых улочек. Воздух здесь пах иначе, чем в лагере или в дороге: сыростью старого камня, древесиной, цветущим где-то в палисадниках жасмином и дымком из печных труб. Тишина нарушалась лишь их собственными шагами, эхо которых отдавалось от глухих стен.

Наконец они остановились у небольшого двухэтажного каменного дома, втиснутого между двумя более высокими соседями. Фасад был простым, без излишеств, с резной деревянной дверью, окрашенной в темно-зеленый цвет. Слуга достал ключ, щелкнул замком и отворил дверь, пропуская Элдара внутрь.

— Осмотритесь, — сказал слуга, зажигая масляную лампу, висевшую на кованом крюке у входа. Мягкий, теплый свет разлился по небольшому пространству.

Внизу была просторная кухня, с большой печью, деревянным столом, полками с глиняной посудой. Рядом гостиная с камином, парой кресел, грубо сбитым, но прочным диваном и полками, пустовавшими пока что. На втором этаже, как объяснил слуга, поднявшись по узкой лестнице, находились две спальни. Одна побольше, с кроватью, комодом и умывальником, другая поменьше, пустая, и небольшой кабинет с письменным столом у окна.

— Вам будет предоставлен один слуга для помощи по хозяйству и покупкам. Он появится завтра утром, — говорил старик, обходя комнаты и проверяя, все ли в порядке. — Работать

вы будете в порту, на погрузке. Труд тяжелый. Платить будут соответственно. Деньги можете тратить в городе, ограничений на перемещение нет, однако, — он остановился и посмотрел Элдару прямо в глаза, — наручи остаются. Покидать территорию города без особого разрешения запрещено. Попытка бегства будет расценена как нарушение условий плена со всеми вытекающими последствиями.

Элдар кивнул. Он и не рассчитывал на иное.

— Завтра, после полудня, к вам наведается королевский секретарь. Он объяснит все детали, проведет в порт, представит начальству, — продолжил слуга. Его тон был деловым, но без уничижительной холодности. — А пока можете отдыхать. В кухне есть припасы на первое время: хлеб, сыр, масло, крупа. Дрова в ящике у печи. Вода в колодце во дворе.

Он замолчал, словно что-то обдумывая, потом добавил уже тише:

— В городе люди привыкли к своему укладу. Не провоцируйте — и вас оставят в покое. Работайте, живите. Это не свобода, но и не каземат.

С этими словами он кивнул военным, те ответили тем же, и вся группа удалилась, закрыв за собой дверь. Ключ, Элдар заметил, остался в замке с внутренней стороны.

Он остался один. В тишине, нарушаемой лишь потрескиванием фитиля в лампе. Не его поместье, но и не барак с храпом и стонами. Уже не плохо.

Он медленно прошел по комнатам, касаясь ладонью поверхностей. Стол на кухне был грубо струган, но отполирован до гладкости. Камин в гостиной был чистым, с аккуратно сложенной растопкой. На полке над ним стояли несколько глиняных фигурок — простых, наивных, изображавших каких-то зверушек. Чья-то прежняя жизнь, оставленная здесь, как отзвук.

Он поднялся на второй этаж. В спальне кровать была застелена простым, но чистым бельем. Окно выходило во внутренний дворик, где в лунном свете серебрились листья какого-то вьющегося растения. Элдар подошел, распахнул створку. Ночной воздух, уже не горный, а городской, пахнул все той же смесью камня, зелени и далекого моря. Где-то вдалеке, за крышами, должен был быть порт. И море.

Дракон внутри зашевелился снова, но на этот раз иначе. Не тоска по высоте, а какое-то глухое, смутное беспокойство. То самое «зудящее нетерпение», что мучило его в палатке. Элдар прислушался к внутренним ощущениям. Это было похоже на тонкую вибрацию, идущую не изнутри него, а словно извне, через наручи. Как будто кожаные браслеты, эти подавители, улавливали какой-то фоновый гул, некую магическую рябь, пронизывающую сам воздух этого города, и передавали ее драконьей сущности как назойливый, неразборчивый шепот.

Он сжал запястья, почувствовав привычный, холодный груз. Нет, не шепот. Скорее, эхо. Эхо чего-то огромного, спящего, но живого. Магического сердца, бьющегося где-то под камнями мостовых.

Он отшатнулся от окна, отгоняя фантазии. Усталость, наконец, накрыла его тяжелой, свинцовой волной. Он скинул плащ, потянулся, чувствуя, как ноют мышцы после долгих дней пути. Разделся, умылся ледяной водой из кувшина на комоде и повалился на кровать.

Матрас был жестким, но после земли и досок телеги он показался райским ложем. Элдар усталился в темноту потолка, слушая тишину дома, в котором просто не было других людей. За стеной скрипнула половица — старый дом вздыхал во сне. Где-то на улице прошла кошка, мягко ступая по камням.

Мысли путались, сливались, уплывали. Дом. Работа. Порт.

И тут, сквозь дрему, его снова пронзило то самое предчувствие. Острое, как игла. Дракон внутри слабо, но отчетливо дернулся, будто уловив знакомый, давно забытый запах. Элдар замер, прислушиваясь уже не к внешним звукам, а к внутреннему чутью. Что-то было рядом. Что-то... важное. То, что заставляло его звериную сущность настораживаться и глухо роптать в своих оковах.

Он встал, подошел к окну. Город по-прежнему спал. Ничего. Ни души. Только луна, плывущая за редкими облаками, да темные очертания крыш.

Он вернулся в кровать, с силой закрыл глаза. Завтра. Завтра начнется все по-настоящему. Работа, новое бытие. Он соберет сведения, поймет, как устроено это королевство, эта их бесконечная магия. И, может быть, найдет способ... Нет, не бежать. Пока нет. Но вернуться однажды домой.

С этим он и провалился в тяжелый, беспокойный сон, пока за окном ночь медленно отступала, уступая место пепельному свету наступающего утра. А город вокруг, незримо для него, начинал просыпаться, наполняясь гулом далекого порта, криками чаек и первыми, робкими голосами нового дня.

Глава 4.

Шесть месяцев.

Столько времени прошло с того дня, как деревянная повозка въехала в столицу Интеррегнума под названием Аэлиндор. Шесть месяцев с тех пор, как Элдар Ашвинг, генерал-дракон стал жителем этого города. Слово всё ещё резало слух, но другого не находилось.

Сегодня был выходной. Редкий, выстраданный день отдыха после недели работы в порту. Элдар вышел из своего скромного, но чистого домика на окраине ремесленного квартала и направился к главной площади — Сердцу Аэлиндора.

Воздух здесь пах солёным ветром с причалов, смесью свежее испечённого хлеба, цветущей глицинии и фоновым гулом магии, вплетённой в самую ткань города.

Первое, что всегда поражало — одежда. Женщины не носили громоздких кринолинов и не прятали лица под вуалями и зонтиками. Даже аристократки, которых можно было узнать по тонкой вышивке на манжетах или изящным, но простым украшениям, ходили в практичных платьях свободного кроя, в штанах с куртками, в лёгких сарафанах. Цвета были яркими, как витражные стекла. Они смеялись громко, шли быстро, несли сумки с книгами или покупками, не дожидаясь слуг. Это зрелище по-прежнему заставляло Элдара внутренне вздрагивать — так глубоко сидела в нём память о других обычаях.

По мостовой, выложенной светлым камнем, скользили не кареты, а небольшие крытые повозки без лошадей. Они парили в полуметре от земли на почти невидимом магическом потоке, тихо гудя, как спящие шмели. Иногда одна из них мягко останавливалась, чтобы подхватить пассажира, и снова устремлялась вперёд, ловко лавируя в потоке. Ни криков форейторов, ни стука копыт, лишь лёгкий шелест и переливы энергии.

Но самым странным и интимным чудом были ожерелья. Почти у каждого на шее висело небольшое украшение в виде кристалла в оправе, деревянной подвески или металлической филигрании. На что у кого хватало денег. И люди, проходя мимо, иногда касались их, и их губы не шевелились, но в воздухе повисало тихое, чёткое «Доброе утро, Мари», «До встречи вечером», «Купи хлеба». Прямая мысленная связь на коротких расстояниях. Элдару такое не выдавали. Но он видел, как это работает. Как это упрощает всё и одновременно делает общение более честным. Трудно солгать, когда твоя мысль, пусть и облечённая в форму, идёт прямо от разума к разуму.

Улочки расходились от площади лучами. Чистые, ухоженные, украшенные висячими садами на балконах и магическими фонарями в форме светящихся шаров. И почти не было нищих. Элдар помнил первые недели, когда он подсознательно искал у стен привычные тени оборванцев с протянутой рукой. Но их не было. Позже он узнал, что городская стража подбирала тех, кто оказывался на дне и отправляла в «дома-передержки», как их здесь называли. Там давали кров, еду, помощь лекарей и обязательно работу в мастерских, теплицах, на очистке улиц. Заплата была небольшой, но её хватало на аренду комнаты в том же доме, на простую одежду, на еду. Отказаться и вернуться вновь на улицу было нельзя. Сюда же отправляли и тех, кто привыкал к алкоголю или другим пагубным привычкам. Королевство и власть давала точку опоры, чтобы оттолкнуться. И многие отталкивались.

На площади кипела насыщенная, но не суетливая жизнь. Десятки маленьких лавочек под цветными тентами торговали всем на свете: пряными лепёшками с сыром, карамелизированными фруктами на палочках, воздушными пирожными в виде облаков, которые таяли во рту, оставляя вкус мёда и мяты. Дети бегали с шариками, меняющими цвет, а у фонтана в центре, из которого били струи, переливающиеся всеми цветами радуги, музыканты играли на странных резонирующих кристаллах, извлекающих чистые, звенящие ноты.

А ещё был Парк. Большой, зелёный, с идеальными газонами, тенистыми аллеями и даже небольшим озером, по которому плавали разноцветные рыбы-колибри, порхающие над водой. Туда Элдар заходил чаще всего. Там, на скамье под древним деревом с серебристой корой, он мог просто сидеть. Без мыслей о прошлом, без гнёта будущего. Слушать смех, наблюдать за тем, как старики играют в магические шахматы, где фигуры двигались сами.

Но чаще всего он наблюдал за людьми. За молодыми парами, которые тихо беседовали, изредка касаясь своих ожерелий и улыбаясь. И здесь его ждало ещё одно, тихое потрясение. В его королевстве свидания были строго регламентированы, особенно для знати. Встреча без сопровождения гувернантки или хотя бы служанки для девушки была скандалом. А здесь... Здесь парочки гуляли, держась за руки, или сидели в обнимку на скамейках, и никто — абсолютно никто! — не бросал на них осуждающих взглядов. Ни старушки с вязанием, ни прохожие мужчины. Это воспринималось так же естественно, как дождь или солнце. Он видел, как девушка с явно округлившимся животом, без обручального кольца, спокойно выбирала яблоки на рынке, а продавец улыбался ей и спрашивался о здоровье. Ни шепота за спиной, ни презрительных усмешек. Да, такое, как он позже уловил из разговоров, не одобрялось. Считалось безрассудством. Но это не делало девушку изгоем. Ей помогали. Существовали общественные мастерские, где такие женщины могли работать на щадящем режиме, получая жильё и помощь с ребёнком после родов. А семьи не отворачивались от своих дочерей. Здесь смотрели на подобные ситуации не как на несмылаемый позор для семьи, а как на сложную жизненную ситуацию, из которой нужно помочь человеку выбраться, а не втолкнуть его на дно. Эта простая, спокойная человечность ошеломляла его больше, чем летающие повозки.

Ему здесь нравилось.

Мысль возникала внезапно, ядовитая и предательская, и он тут же гнал её прочь, заковылав в броню внутреннего осуждения. Как может нравиться страна, которая отняла у него всё? Которая держит его в наручах, в плену, вдали от дома? Но правда была в том, что здесь его не ненавидели. Да, иногда бросали недовольные взгляды, подкалывали. Портовые рабочие любили пошутить над «бывшим пернатым генералом». Но без злобы. С некоторым даже любопытством. Двое из них, грузчик Рен и счетовод Лиан, стали чем-то вроде приятелей. Они звали его выпить эля после смены, рассказывали о своих семьях, спрашивали о драконах как о чём-то удивительном. И в их глазах не было ни страха, ни презрения.

Элдар остановился у лотка со сладостями, машинально рассматривая сложенные пирамидкой конфеты в виде крошечных звёзд. В кармане его простой холщовой куртки лежал, как всегда, белый платок. Призрак той ночи, той женщины, чьё лицо смешивалось в памяти с полумраком бального зала и утренним светом в пустой спальне.

Глупое, неисправимое сердце сжалось знакомой, острой тоской. Он думал, что за полгода привыкнет. Что шрамы затянутся, а воспоминания потускнеют под слоем повседневных забот, вонючей рыбы в порту, болтовни приятелей и тяжёлой, но честной усталости. Но нет.

Она не уходила. Она жила в нём, как вторая тень. Вспышка тёмных глаз в свете свечей. Лёгкость руки в его ладони. Тихий кивок, изменивший всё. Шёпот в темноте, который он слышал до сих пор, в самые тихие ночи, когда город засыпал.

Дракон внутри, вечно придавленный холодом наручей, отзывался на эти мысли глухим, почти неслышным скулежом. Скорбью могучего существа, нашедшего и тут же утратившего своё сокровище. «Моя», — тогда проревело оно в нём, и с тех пор не умолкало, лишь притихло, превратившись в постоянную, ноющую боль под рёбрами.

Элдар сжал кулак в кармане, чувствуя под пальцами шёлк платка. Он желал с жгучей, почти постыдной силой. Увидеть её ещё раз. Хотя бы один раз. Ощутить подушечками пальцев шёлк её кожи, который помнила его ладонь. Вдохнуть её запах, прикоснуться губами к её губам и узнать, был ли тот поцелуй таким, каким он запомнил, или лишь плодом отчаяния и ночного опьянения.

Но больше всего ему хотелось просто поговорить. Услышать её голос, не в шепоте страсти, а в обыденной беседе. Узнать, о чём она думает. Что любит. Что ненавидит. Узнать, наконец, её имя. Хотя бы имя. Чтобы призрак обрёл хоть какую-то плоть, хоть один якорь в реальности.

Он закрыл глаза на мгновение, позволяя волне бессильного желания накатить и отхлынуть. Это было безумием. Он был пленным генералом в чужой стране, скованным драконом. Она — призрак из прошлого, возможно, уже замужняя дама, мать семейства, навсегда потерянная где-то в лабиринтах его родного королевства, которое теперь, после войны, стало ещё дальше.

Он открыл глаза и вздохнул, выдыхая вместе с воздухом остатки глупой надежды. Перед ним всё так же переливался фонтан, смеялись дети, и солнце ласкало камни мостовой теплом, которое он, к своему ужасу, начал считать приятным.

Именно в этот момент, когда он уже собрался двинуться дальше, к парку, его взгляд, скользящий по толпе, наткнулся на фигуру у лотка с мороженым.

Женщина в платье цвета морской волны. С каштановыми волосами, собранными в небрежный, но изящный узел. Она что-то говорила девочке-продавщице, улыбаясь, и в её профиле, в наклоне головы, в линии плеча было что-то...

Сердце Элдара остановилось, а потом ударило с такой силой, что в висках застучало. Кровь отхлынула от лица, оставив ощущение ледяного онемения.

Этого не может быть. Это была игра света, насмешка усталого воображения.

Но она повернулась. Легко, естественно, и её взгляд, спокойный и всевидящий, скользнув по площади, нашёл его.

Они смотрели друг на друга через шумную, праздную толпу. Все вокруг словно ото двинулось, потеряло чёткость.

Он видел, как в её тёмных, спокойных глазах промелькнула волна узнавания, а за ней чистого удивления. Она замерла, моргнула, и её брови, тонкие и тёмные, слегка приподнялись. Он видел, как лёгкая краска разлилась по её щекам.

Потом она опустила глаза. Быстро, почти судорожно. Её ресницы, густые и тёмные, отбросили тень на скулы. Она закусила нижнюю губу — тот самый жест, который он помнил с той ночи, когда она задумчиво слушала, о чём он шепчет. Но тогда это было жестом раздумья. Сейчас в нём была напряжённость, почти испуг.

Она резко повернулась, спиной к нему, сделав шаг прочь от лотка с мороженым. Её платье цвета морской волны колыхнулось вокруг лодыжек. Она явно намеревалась раствориться в толпе, уйти.

Мысль пронеслась в голове Элдара, быстрая и ясная, как удар клинка. «Нет. Не на этот раз.»

Бежать через площадь или кричать было нельзя. Это привлечёт внимание, вызовет панику. Здесь не было привычной ему вседозволенности генерала, только хрупкий статус условно-свободного пленника. Один неверный шаг и его заточат в камере. Но он не мог позволить ей исчезнуть. Не во второй раз.

Он двинулся за ней. Не бегом, а быстрым, целенаправленным шагом, каким шёл когда-то по полю боя под градом стрел. Он был выше большинства в толпе, его взгляд, закалённый годами командования, не терял её из виду. Она скользила между людьми ловко, почти бесшумно, но он видел мелькание платья, каштановый пучок волн. Она направлялась к одной из узких улочек, отходивших от площади, — к Лабиринту Писцов, как называли этот квартал за его извилистые, тупиковые переулки.

Люди расступались перед его сосредоточенной, несущейся с молчаливым напором фигурой. Кто-то бросил удивлённый взгляд на его лицо, на твёрдый, почти каменный овал с горящими изнутри глазами. Двое солдат городской стражи, стоявшие у фонтана, насторожились,

следили за ним взглядом, но не делали попыток остановить. Он не нарушал закон, просто шёл быстро.

Она свернула в переулок, где тень от высоких домов поглотила яркий солнечный свет. Воздух здесь пах старым пергаментом, чернилами и сушёными травами. Элдар ускорился. Его сапоги гулко отдавались по булыжнику. Она услышала шаги, оглянулась через плечо, и в её глазах мелькнуло что-то новое — не просто испуг, а быстро растущая тревога. Она прибавила шаг.

«Стой, — хотелось крикнуть ему, но голос застрял в горле. — Ради всего святого, просто стой.»

Она метнулась вправо, в ещё более узкий проход между двумя мастерскими переплётчиков. Воздух здесь был густым от запаха кожи и клея. Элдар, не сбавляя скорости, свернул за ней. И наконец настиг.

Она остановилась перед глухой стеной, упирающейся в высокий забор. Тупик. Она обернулась, прижавшись спиной к холодному камню, её грудь быстро вздымалась под ткань платья. В её руке всё ещё сжималось мороженое на палочке, которое начало подтаивать, капая сладкими каплями на камни.

Они стояли в трёх шагах друг от друга. Тишину нарушал только их прерывистый ритм дыхания и далёкий гул площади.

Элдар видел каждую деталь её лица при тусклом свете переулка. Те же высокие скулы, тот же аккуратный изогнутый носик, те же губы, которые он помнил... но теперь на них не было той таинственной полуулыбки. Они были сжаты. А в её глазах, таких же тёмных и глубоких, плескалась буря из замешательства, страха, и что-то ещё, что он не мог сразу распознать. Стыд? Гнев?

Он сделал шаг вперёд. Она инстинктивно прижалась к стене сильнее.

— Ты, — выдохнул он, и его голос прозвучал хрипло. — Это действительно ты.

Она не ответила. Просто смотрела на него, широко раскрыв глаза. Её пальцы так сильно сжали деревянную палочку, что та треснула.

— Почему ты убегаешь? — спросил он тише, делая ещё один осторожный шаг. Наручи на его запястьях тихо звякнули. — Я не причиню тебе зла. Ты знаешь меня. Я знаю, что знаешь.

Она отвела взгляд, устремив его куда-то в сторону, на мшистый камень стены. Губы её дрогнули.

— Прошу вас, — её голос был тихим, но чётким, без тени той хрипотцы, что была в ту ночь. — Оставьте меня. Просто уйдите.

— Нет, — ответил он твёрдо. — Ты исчезла тогда, утром. Не оставив ничего, кроме платка. Я... я искал тебя. Думал о тебе каждый день. Даже здесь. Особенно здесь.

Она снова посмотрела на него, и теперь в её взгляде появилась искра чего-то острого, почти болезненного.

— Вы не должны были меня найти, — прошептала она. — Никогда.

— Но я нашёл, — он был уже совсем близко, мог бы протянуть руку и коснуться её щеки. Но не делал этого. Дракон внутри ревел, требовал сжать в объятиях, присвоить, унести в небо, но Элдар держал его на цепи, крепче любой магической. — Скажи мне, как тебя зовут. Хотя бы это. Дай моему призраку имя.

Она зажмурилась на мгновение, как будто борясь с внутренней болью. Когда открыла, в её глазах стояли слёзы, но они не скатились.

— Реми, — выдохнула она так тихо, что он почти не расслышал. — Меня зовут Реми.

Реми. Короткое, простое имя. Оно обожгло его, как раскалённый металл, вонзилось в самую сердцевину памяти. Реми.

— Реми, — повторил он, и имя странным образом легло на язык, будто всегда там было. — Я — Элдар.

— Я знаю, кто вы, — сказала она, и в её голосе впервые прозвучала горечь. — Генерал Элдар Ашвинг. Пленный дракон. Все в городе это знают.

Он кивнул, не отводя взгляда.

— А кто ты, Реми? Тот, кто танцевал со мной на балу и исчез на рассвете?

И в этот самый момент, из-за поворота переулка, донёсся размеренный стук подошв по камню и спокойный, вежливый голос:

— Ваше Величество? Всё в порядке? Мы услышали быстрые шаги.

Из тени вышли двое стражников в синих плащах — не солдат, а именно дворцовой стражи. Их лица были внимательными, а руки лежали на эфесах шпaг. Их взгляды перешли с королевы на Элдара, и в них мгновенно вспыхнула настороженность, смешанная с узнаванием.

Мир вокруг Элдара перевернулся, закружился в вихре абсурда и неизбежности. Судьба, казалось, не просто посмеялась над ним, а разыграла изощрённую, жестокую шутку.

Ваше Величество? Та самая королева, чей приказ спас ему жизнь шесть месяцев назад? Королева Интеррегнума?

Реми — королева Реми — оттолкнулась от стены. В один миг с неё спали следы испуга и смутения. Плечи расправились, подбородок приподнялся. Она вытерла пальцы о платок, который почему-то оказался у неё в другой руке, и её лицо обрело то самое спокойное, «всевидящее» выражение, которое он запомнил.

— Всё в порядке, капитан, — сказала она ровным, чистым голосом, не оставляющим места для сомнений. — Я просто... отвлеклась, разглядывая витрину. Генерал Ашвинг оказался рядом и предложил проводить меня. Весьма любезно с его стороны.

Она повернула голову и впервые за весь этот разговор посмотрела на него как королева смотрит на подданного. В её взгляде была сложная смесь приказа, просьбы и... предупреждения.

— Не правда ли, генерал?

Элдар замер. Сердце бешено колотилось в груди, а разум метался между яростью, болью и ослепительным пониманием всей картины. Он был в её власти. Вдвойне. Как пленный. И как человек, нашедший свою пропавшую половинку в самом неожиданном месте.

Он медленно, почти церемонно, склонил голову, чувствуя, как кожаные наручи врезаются в запястья.

— Именно так, Ваше Величество», — произнёс он, и собственный голос прозвучал для него чужим, проникнутым железной дисциплиной, за которой бушевала буря. — Я был рад оказаться полезным.

Один из стражников, капитан, кивнул, но его глаза, острые и оценивающие, не отрывались от Элдара.

— Тогда позвольте нам сопровождать вас, Ваше Величество. Двор ждёт.

Реми — королева — кивнула. Она сделала шаг вперёд, мимо Элдара, не глядя на него. Но, проходя так близко, что рукав её платья едва коснулся его руки, она тихо, так тихо, что услышал только он, прошептала:

— Завтра в порту в полночь. У причала.

И, не замедляя шага, она пошла вперёд, скрываясь в тени переулка в окружении стражников, оставив Элдара одного в тупике с головой, полной огня, вопросов и единственного, ясного как приказ, слова: «Завтра».

Глава 5.

— И все же, Ваше Величество, я убедительно настаиваю на том, чтобы Вы не покидали территорию дворца! В особенности после вчерашнего инцидента!

Голос главнокомандующего армии и военного министра Надмира Бекмара раскатился по малому совещательному залу, ударяясь о панели из темного дерева и портреты ее предков в тяжелых рамах. Его мундир, расшитый серебряными молниями, что служили знаком его магической специализации, был безупречен, но лицо под короткой седой щеткой усов пылало не столько гневом, сколько праведной яростью.

Реми сидела в кресле у камина, в котором, несмотря на теплый вечер, потрескивали поленья. Она держала в руках чашку с чаем, но не пила. Её пальцы были белыми от напряжения.

— И что вы мне предлагаете? Запереться за высоким забором, чтобы по городу пошел слух, что их королеву так легко напугать? К тому же, среди своего народа я в безопасности. — Её голос звучал ровно, но в нём чувствовалась сталь. Сталь, которую она училась прятать под мягкостью, но сейчас она проступала сквозь трещины.

— Да, народ обожает Вас, — не унимался Бекмар, делая шаг вперёд. Его сапоги глухо стукнули по паркету. — Но там сейчас находится военнопленный вражеский генерал, представитель расы, известной своей непредсказуемостью и силой! Вы остались с ним наедине в глухом переулке! Мы не знаем, что он мог с Вами сделать!

— Он ничего со мной не сделал, — отрезала Реми, и её глаза вспыхнули. Она поставила чашку на стол с таким звоном, что фарфор едва не треснул. — Он даже не прикоснулся ко мне. Он лишь хотел поговорить.

В углу комнаты, у буфета с чайным сервизом, бесшумно двигался Лормис. Старый слуга в безупречной ливрее раскладывал по блюдам печенье. Казалось, он весь ушёл в своё простое дело, но его острые, цвета старого виски глаза, скользнули на мгновение на королеву, затем на Бекмара, и снова опустились к чашкам.

— Поговорить? — переспросил рыжеволосый министр финансов и внутренних дел, Рафлир Слип, нервно теребя свою изящно подстриженную бородку. — О чём, позвольте спросить, вражеский генерал мог желать говорить с Вашим Величеством в тёмном переулке? Не о погоде же?

Реми почувствовала, как жар поднимается к её щекам. Ложь была тяжёлым, неудобным камнем на языке.

— Он просил разрешения на переписку с семьёй. — сказала она, глядя куда-то в пространство над плечом Слида. — Хотел добиться у меня официальной аудиенции, но случайно встретил в городе и решил не ждать с просьбой.

В комнате повисло молчание. Даже Бекмар на секунду замолчал, рассматривая её с тяжёлым, неверящим взглядом. Реми держалась из последних сил, чтобы не опустить смущенный взгляд на чашку. Не признаваться же министрам, в самом деле, что хотел от нее герцог!

— Переписка с семьёй, — медленно, отчеканивая каждое слово, произнёс худощавый и аскетичный министр двора и безопасности, Сарринг Лорм. Он стоял у окна, спиной к сумеречному небу, и его лицо было скрыто в тени. — Не думаю, что это удачная идея! Он живет среди нас, своими глазами видит нашу жизнь. И может передать в письмах то, что смог выяснить за эти шесть месяцев.

Его голос был тихим, и каждое слово било точно в цель.

— Это может быть разведкой. — продолжил Лорм. — Или подготовкой к чему-то худшему. Он дракон, Ваше Величество. Даже в наручах. Мы не знаем всех его возможностей. — Он сделал паузу, и следующая фраза упала в тишину, как камень в колодец: — Возможно, я был неправ, поддержав Ваше решение об отмене казни. Возможно, первоначальный план министра

Слида и генерала Бекмара был более благоразумным. Приведение приговора в исполнение раз и навсегда сняло бы все риски.

Реми почувствовала, как сжимается сердце. Ей совсем не хотелось его смерти.

Лормис, поднося теперь чашку чая Саррингу Лорму, слегка кашлянул, а потом бросил на королеву короткий взгляд.

— Ваш чай, господин министр. С лимоном, как вы любите.

Лорм машинально взял чашку, даже не взглянув на слугу. Его внимание было приковано к королеве.

Реми встала. Её движение было плавным, но в нём чувствовалась скрытая энергия, заставившая Бекмара слегка выпрямиться.

— Решение об отмене казни было моим, Сарринг, — сказала она, и теперь в её голосе зазвучала неоспоримая власть. Власть по праву крови. — И оно было обдуманным. Элдар Ашвинг козырная карта в отношениях с его могущественным родом и с самим королём Хтаром. Убийство такого заложника — акт глупости, который развяжет нам войну на поколения вперёд. Его семья дала клятву не поднимать оружие против Интеррегнума, пока он жив. И именно они сейчас сдерживают Хтара, который посылает к нам лозутчиков. В прошлом месяце у границ поймали троих. Труп еще одного недавно оттаял в горах. Я не отдам приказ о казни генерала, пока не пойму, что королю Хтару нужно на нашей земле.

— Клятвы иногда забываются, Ваше Величество, — парировал Лорм, но уже без прежней уверенности. — Да и потом, если король решится на вторую военную компанию, сомневаюсь, что его сможет отговорить всего то герцогская семья.

— Драконья семья, министр Лорм. В то время, как Хтар всего лишь человек. И потом, насколько мне известно, драконы очень держатся за свою семью.

— Но Ваше Величество... — вступил Бекмар.

— Ваши опасения я принимаю к сведению, Надмир. — Реми повернулась к нему. — Меры безопасности при моих выходах в город будут усилены. Но мои прогулки не прекратятся. Народ не должен видеть свою королеву затворницей, испуганной тенью собственного пленника.

Она обвела взглядом всех троих, и в её глазах горел тот самый внутренний огонь, который заставлял народ любить её, а аристократию побаиваться.

— Что касается генерала Ашвинга... Если его просьба о переписке искренна, то полагаю, мы её удовлетворим под надлежащим наблюдением. Это лучшее доказательство для его семьи, что он жив. Если за этим стоит нечто большее... — она позволила угрозе повиснуть в воздухе, не договаривая. — Но говорить о казни больше не будем. Это вопрос пока закрыт. Понятно?

Бекмар, после короткой внутренней борьбы, кивнул, скрепя сердце. Слип заерзал, но тоже промолчал. Лорм, отхлебнув чаю, лишь слегка склонил голову.

— Как будет угодно Вашему Величеству.

Реми кивнула, давая понять, что аудиенция окончена. Министры, обменявшись краткими, ничего не значащими фразами, начали расходиться. Лормис, закончив своё дело и дождавшись, когда дверь закроется, повернулся к своей королеве.

— Ты поддерживаешь Бекмара. Можешь даже не говорить, твое молчание красноречивее слов.

— Когда вы собираетесь им рассказать, Ваше Величество?

— О чем? О том, что провела ночь с герцогом?

— Нет. О другом.

Реми закусила губу. В камине с треском осело полено, выбросив сноп искр. Реми стояла неподвижно, глядя в огонь, а Лормис ждал.

— О другом, — наконец повторила она, и в её голосе прозвучала усталость, смешанная с чем-то другим. С хитрой, почти девичьей уловкой. Она обернулась к старику. — Лормис, скажи мне честно. Ты тоже считаешь, что я безрассудна?

Слуга вздохнул, но не ответил сразу. Вместо этого он подошел к столу, собрал пустые чашки на поднос.

— Ваше Величество всегда следовали своему сердцу. Иногда оно ведет к мудрым решениям. Иногда к неожиданным осложнениям. Вчерашняя встреча явно относится ко второму варианту.

Реми позволила себе короткую, сбитую улыбку. Она подошла к окну, отодвинула тяжелый бархатный занавес. Внизу, в саду, уже зажигались магические фонари, отбрасывая на гравиные дорожки призрачное сияние.

— Осложнения, — повторила она задумчиво. — Да. Но что, если это осложнение... на самом деле удача?

Лормис замер. Его взгляд стал пристальным, вопрошающим.

— Удача, Ваше Величество?

— Понимаешь... — она сделала паузу, выбирая слова с почти ювелирной осторожностью, — я могу исправить эту маленькую, досадную оплошность. Незаметно. Так, что никто и не узнает.

— Не разумнее ли признаться? Да, вы ошиблись. Такое случается. Кстати, а в чем именно была ошибка? В подборе рун? Или в произношении?

— Не то заклятие, — с горечью призналась Реми.

Сложное, многослойное заклятье, которое она наложила сама в день капитуляции, когда гнев и желание обезопасить свой народ пересилили хладнокровие.

А хладнокровия как раз и не хватило. В пылу, под взглядами победно ликующих солдат и мрачных пленников, под давлением Бекмара, требовавшего «железных гарантий», она выбрала не ту архаичную, чересчур жёсткую формулу из семейного гримуара.

Она поняла свою ошибку лишь спустя недели, когда первое возмущение улеглось, и она вновь открыла тот самый фолиант. Сличила формулы. Формально это был неприступный магический затвор, гарантия того, что дракон внутри Элдара никогда не проснётся. А вышло так, что выглядит убедительно, а на деле — пустая кожаная полоска.

— Удивительно, что он до сих пор не попытался воспользоваться свободой.

— Думаю, он даже не проверил, потому что верит в силу королевского заклятья. — В голосе Реми прозвучало невольное удивление и что-то вроде гордости. — Либо честь для него не пустой звук.

Она прошлась по ковру, её тень заколебалась на стене.

— И теперь я могу исправить свою ошибку. Незаметно.

— Исправить? — Лормис отставил поднос в сторону, сложив руки на животе. — Вы собираетесь наложить новое заклятье? Рискую, что он всё-таки почувствует попытку и инстинктивно даст отпор?

— А у меня есть выбор? — Реми покачала головой, и каштановые пряди выскользнули из небрежного узла. — Все думают, что он скован. Думают, что наручи держат его дракона в узде. Бекмар побаивается, но не настолько, потому что верит в надёжность заклятия. Сарринг подозревает, но ищет подвох в политике, а не в магии. — Она сделала паузу, понизив голос до почти неслышного шёпота, хотя в комнате, кроме них, никого не было. — А заклятие... не работает, Лормис. И судьба даёт мне шанс всё исправить, не поднимая шума. Тайно. Без паники в Тайном совете и без попыток Бекмара заковать его в цепи из артинийского сплава.

Переведя его в столицу, она надеялась исправить положение. Но как? Под каким предлогом королеве вдруг озаботиться благополучием конкретного пленника? Любой её интерес к

нему был бы немедленно истолкован превратно, стал бы оружием в руках недоброжелателей при дворе.

И вот судьба, будто сжалившись над её метаниями, преподнесла невероятный, головокружительный подарок. Элдар оказался тем самым мужчиной. Той мимолётной, жгучей тайной её прошлого, которая не отпускала всё это время.

Встреча на площади была шоком. Но по мере того как первый испуг отступал, уступая место трезвому анализу, в душе Реми начала прорастать странная, почти кошунственная мысль. Мысль о том, что всё сложилось... не просто удачно, а идеально.

Ведь теперь у неё появился предлог, лежащий вне плоскости политики. Она, Реми-женщина, может интересоваться Элдаром-мужчиной. Может встречаться с ним тайком. Может, под видом романтического влечения или простого человеческого любопытства, сближаться, разговаривать, прикасаться. И через эти прикосновения она сможет передавать крошечные импульсы своей магии. Она сможет исправить свою ошибку, и никто — ни Бекмар, ни Лорм, ни даже сам Элдар — ничего не заподозрит. Все спишут на каприз королевы, увлекшейся загадочным пленником.

— Ни слова об этом, Лормис, — сказала она, не оборачиваясь. — Никому. Ситуация с генералом находится под контролем. Моим личным контролем. И я считаю, что это к лучшему.

За её спиной наступила тишина, а затем раздался мягкий, покорный шорох ткани.

— Как будет угодно Вашему Величеству, — прошептал старый слуга. — Просто помните, что даже самая крепкая стена имеет уши. А уши при дворе — особенно чуткие.

— Я помню, — кивнула Реми. Мысленно она уже была на причале для рыбацких лодок, в полночь. Она думала о его глазах, цвета морской волны, о твёрдых руках, сжимавших её в объятиях. Против воли тело бросило в жар, а внизу живота приятно потянуло.

«Вот только голову тебе, Реми, терять не стоит!» - одернула она себя.

Всё действительно сложилось удачно. Страшно, безумно, головокружительно удачно. И она была полна решимости этим воспользоваться.

* * *

Вечер тянулся, как раскалённая смола. Элдар метался по маленькому дому от окна в гостиной, выходящей на тихую улочку, до камина, в котором он даже не разжигал огонь. Время, обычно утекавшее незаметно между работой в порту, ужином и чтением выпрошенных у Лиана потрёпанных книг, сегодня вдруг обрело вес и вязкость. Каждая минута отдавалась глухим, навязчивым стуком в висках.

Сегодня. Уже сегодня в полночь. У причала для рыбацких лодок.

Слова Реми — нет, королевы Реммалии — звенели в нём настойчивым, гипнотическим эхом, смешиваясь с грохотом портовых лебедек и криками чаек, которые доносились даже сюда. Он хотел злиться на эту игру, на её бегство, на это абсурдное «Ваше Величество». Хотел чувствовать унижение пленника, которого позвала на тайное свидание повелительница. Но сквозь ярость и горькую иронию пробивалось лихорадочное, всепоглощающее нетерпение. Она была здесь. Реальная. Живая. И она сама назначила ему встречу.

Вот только настроение резко портила другая мысль. О подарке.

Он жил на жалование грузчика. Что он мог предложить ей? Пучок сорванных у забора полевых цветов? Дешёвую конфету с той же площади?

Раньше... Раньше всё было иначе. В его мире, в его жизни, внимание дамы из высшего круга требовало соответствующего жеста. Букет редчайших орхидей с южных склонов, стоявший как хороший скакун. Или изящное украшение с драконьим жемчугом, меняющим цвет в зависимости от настроения владелицы. Или старинный манускрипт. Подарок дешевле двух тысяч золотых корон он вряд ли даже рассматривал бы — это сочли бы намёком на скупость рода или, что хуже, на неуважение.

Теперь же всё его «состояние» умещалось в потрёпанном кожаном мешочке. Восемьсот эскепов. Он откладывал по крупичкам за полгода. Жалование портового грузчика было неплохим, и ему, привыкшему к спартанским условиям походов, тратить было почти не на что: еда, самая простая одежда, ремонт прохудившихся сапог. Остальное он складывал в мешочек. Для простого жителя Аэлиндора, того же Рена или Лиана, восемьсот эскепов — сумма внушительная. Но для Элдара Ашвинга, герцога, генерала, дракона... Это было жалкими грошами. Настоящим позором.

Он с силой сжал кулак, и кожаные наручи жёстко врезались в запястья. Злость, острая и бесплодная, подкатила к горлу. Он злился не на бедность — с ней он свыкся. Он злился на собственную беспомощность. Не мог подарить ей ничего достойного. Не мог даже снять эти проклятые браслеты, чтобы... Чтобы что? Улететь с ней? Смехотворно.

На кухне послышался лязг ведра и фыркание. Флип, его слуга, вернулся с рынка. Мальчишка одиннадцати лет, сын умершей прачки, приставленный к Элдору дворцовой конторой «для помощи по хозяйству». Флип был худым, веснушчатым, с взъерошенными рыжими волосами и вечно занятым, деловитым видом старого управителя.

Элдар услышал, как тот что-то бормочет себе под нос, расставляя покупки в кладовой. Потом шаги приблизились к гостиной.

— Герцог, — Флип стоял в дверном проёме, вытирая руки об холщовый фартук. — Селедку засолил, крупу перебрал. Капуста, правда, какая-то хилая попалась, я ту торговку запомнил, больше к ней ни ногой. Ящ... Элдар? — мальчик сменил обращение, увидев выражение лица хозяина. — Ты чего такой мрачный? Опять на пристани Мирон подколот про «пернатого»? Не обращай внимания, у него у самого жена...

— Не в Мироне дело, Флип.

Мальчик присвистнул, проскользнул в комнату и уселся на краешек табуретки, глядя на Элдара с любопытством.

— Видал я такие лица. У дядьки моего, каменщика, таким же становилось, когда тётка Агнесса приходила в гости. Это... девчонка?

Элдар взглянул на него, удивлённый такой пронизательностью.

— Почему ты решил?

— Да говорю же, вид как у дядьки! — Флип развёл руками. — А еще тебя сегодня с утра как ветром выдуло. Слышал, ты и в лавку кондитера зашёл, и к ювелиру на улице Сапфиров подбегал, и лицо сейчас темнее тучи. Подарок выбрать не можешь?

Элдар не стал отрицать. Кивнул, коротко и мрачно.

— Не хватает.

— Сколько есть-то? — спросил Флип с практичной непосредственностью ребёнка, выросшего в нужде.

— Восемьсот эскепов.

Глаза мальчика округлились почти до размера монет.

— Во-о-от это да! — выдохнул он с искренним благоговением. — Да на такую сумму я б... я б... — он замер, соображая. — Лодку бы старую купил и починил! Или пса здоровенного, чтобы двор караулил! Или... — он посмотрел на Элдара и его восторг немного поулегся. — А, тебе, значит, мало. Ну да, девчонкам всегда подавай что-нибудь блестящее и бесполезное.

— Она не «девчонка», — сквозь зубы процедил Элдар, но беззлобно. — И дело не в блестящем.

— А в чём тогда? — Флип нахмурился, его рыжие брови поползли к переносице. — От девчонок, я тебе скажу, никакого проку. Вредные они. Плачут, потом смеются, потом опять злятся. Головная боль одна. Ты лучше на хороший нож эти деньги потрать. Или на тёплый плащ. Польза будет.

Элдар невольно усмехнулся. Мудрость улиц в изложении Флипа была освежающе прямой и безнадежно далёкой от того, что творилось у него внутри. Этот «вред» и была та самая невыносимая, прекрасная сложность, которая сводила его с ума.

— Иногда, Флип, — сказал он тихо, глядя в тёмное окно, где уже зажигались первые огни вечерних фонарей, — «головная боль» стоит всех соковок мира. Вырастишь, полюбишь и поймешь.

Мальчик покачал головой, явно не понимая такой глупости. Потом, словно осенённый новой идеей, оживился:

— А может, просто купить мяса? Говядины, с хрящиками, знаешь? И в горшочке, с картошкой и луком, часа на три в печь. Пир устроить! На восьмьсот эскепов — целого барана купим! Или поросёнка! Вот это будет подарок — всю неделю есть! Девчонки тоже есть любят, пусть сразу за тебя замуж выходит и переезжает...

Элдар поднял руку, мягко прерывая поток кулинарных фантазий.

— Благодарю за совет, Флип, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Но я, пожалуй, обойдусь. Кстати, ты в своей комнате прибрался?

Мальчишка замер. Его деловитый энтузиазм мгновенно испарился, сменившись виноватым потупленным взглядом. Он начал ковырять ногтём дырку на своём холщовом фартуке.

— Ну... я собирался. После ужина.

— Собирался, — повторил Элдар без интонации. Он знал этот тон. Сам когда-то так отчитывался перед отцом.

Флип попытался перевести стрелки:

— А у тебя дрова-то кончаются, я видел! Я лучше дров нарублю! Полезнее будет!

Элдар медленно поднялся с кресла. Не сказал ни слова. Просто смотрел. Спокойно, прямо, ожидающе.

Флип съёжился. Он знал этот взгляд. «Генеральский взгляд», как он про себя называл. От него было не спрятаться за шутками или обещаниями.

— Ладно, ладно... — забормотал мальчик. — Не прибрался. Но там же всего ничего! За пару минут уложусь...

— Двадцать отжиманий, — произнёс Элдар чётко, без повышения голоса. — После чего навести порядок на вверенной территории. Вещи — по местам. Постель — заправлена. Доклад — по завершении.

Флип закатил глаза к потолку, громко вздохнув, но спорить не стал. Он слишком хорошо знал, что его хозяин помешан на порядке и чистоте до мозга костей. Для Элдара, выросшего в строгости военной дисциплины, хаос в комнате слуги был таким же недопустимым, как расстроенный строй перед атакой.

— Двадцать... — проворчал он, но уже опускался на пол. — У всех дядек свои причуды. Один мой хозяин лягушек собирал, другой песни о любви сочинял, а этот — чтобы всё по линейке...

Он начал отжиматься, считая вслух, с преувеличенным кряхтением после каждого десятого раза. Элдар отвернулся к окну, скрывая улыбку. Ворчание Флипа было частью ритуала. Мальчик выполнял приказ без злобы. Элдар все-таки верил, что сможет вырастить из сироты настоящего мужчину.

За окном сгущались сумерки. Огни фонарей зажигались один за другим, вырисовывая тёплую паутину улиц, ведущих к порту. К причалу для рыбацких лодок. Туда, где через несколько часов...

Нервы снова натянулись, как струны. Он сжал кулаки, почувствовав знакомый груз на запястьях. Что он скажет ей? А может ничего и не надо говорить?

За спиной Флип, закончив двадцатое отжимание, с шумом поднялся.

— Всё, герцог! Принялся за территорию! — объявил он и, отряхнувшись, помчался наверх..

Элдар остался один со своими мыслями. Он подошёл к камину, наконец-то чиркнул огнём и поджёг растопку. Огонь, сначала робкий, потом уверенный, запылал, отбрасывая на стены пляшущие тени. Свет и тепло немного разогнали мрачное напряжение.

Он смотрел на пламя, и в нём, как в волшебном кристалле, ему виделись её глаза. Тёмные, спокойные, полные той загадки, которая сводила его с ума. Реми.

Ему было неважно, что она королева. Важно было то, что она женщина, которую выбрал его дракон. А дракон не ошибается. Никогда. Ему была нужна не просто женщина, а что-то иное. Что-то настоящее.

До полуночи оставалось ещё несколько часов.

Глава 6

Городской порт в полночь был иным существом, не похожим на грохочущего, кишашего людьми зверя дня. Гул стих, уступив место шелесту приливной воды, ленивому поскрипыванию рыбацких лодок у деревянных свай, отдалённому крику ночной птицы. Воздух отдавал влажной солью и водорослями.

Элдар пришёл почти за час до назначенной встречи. Нетерпение гнало кровь быстрее. К тому же, ему хотелось разведать местность. Старая привычка воина никогда не приходит на неизвестную позицию вслепую. Он обошёл длинный, покосившийся пирс, уходивший в чёрную воду, освещённый лишь парой тусклых, засиженных мошкаркой фонарей. С одной стороны возвышались тёмные силуэты складов, с другой ряд неказистых лодок, накрытых брезентом. Укрытий хватало, равно как и путей для скрытого отхода, если их вдруг заметят вдвоем. Хорошее место для их тайной встречи.

Он выбрал позицию в тени высокого штабеля пустых бочек у самого начала пирса. Отсюда был виден и подход с суши, и большая часть причала. Плащ с капюшоном скрывал лицо и белую рубаху. Элдар стоял неподвижно, слившись с темнотой. Дракон внутри спал, убаюканный монотонным плеском волн, но Элдар чувствовал его приглушённое, настороженное внимание каждым нервом.

Мысли, которых он избегал дома, навалились здесь, в одиночестве ночи. Зачем она пригласила его сюда? Страх, который он видел в её глазах в переулке, был настоящим. Но и приглашение, брошенное на ходу, тоже не было ложью. В нём слышалась решимость, почти отчаянная. Что она задумала?

Он сжал в кармане кулак. Он так и не купил ни цветов, ни драгоценностей, ни даже шоколада.

Время текло медленно, отмеряемое редкими всплесками воды о сваи и далёкими боями городских часов. Полночь была уже близка. В порту стало ещё тише. Даже чайки уgomонились.

И тогда он услышал шаги. Лёгкие, быстрые. Одинокий человек, идущий по каменной набережной по направлению к пирсу.

Он притаился ещё глубже в тени, глаза впились в темноту. Фигура вышла из мрака между складами. Невысокая, в тёмном, просторном плаще с капюшоном, наброшенным на голову. Но походка... Элдар узнал бы эту походку среди тысячи. Ту самую лёгкость, почти невесомость, которую он чувствовал, ведя её в танце.

Реми.

Она остановилась у начала пирса, огляделась. Капюшон слегка сдвинулся, и лунный свет, пробившийся сквозь редкие облака, упал на её лицо. Она нервно окинула пирс взглядом, очевидно ища его. И он не мог больше ждать.

Элдар вышел из тени. Медленно, дав ей время увидеть, привыкнуть. Не испугать.

Они снова смотрели друг на друга через пространство, но теперь не было ни толпы, ни бегства. Была только ночь и тишина, готовая взорваться от напряжения.

Он снял капюшон. Она тоже.

— Вы пришли, — сказала она. Её голос был тихим, но чётким, без колебаний.

— Вы позвали, — ответил он, делая несколько шагов навстречу, но останавливаясь на почтительной дистанции. Несмотря ни на что, она была королевой. — Ваше Величество.

Она поморщилась.

— Пожалуйста, не зови меня так. Вдруг кто услышит!

— Тут никого нет. Но хорошо. Прогуляемся?

Он галантно предложил ей локоть. Реми замешкалась на секунду, её пальцы слегка дрогнули в воздухе, прежде чем она приняла предложение и её рука легла на его руку. Тактильный контакт, первый после той ночи, ударил током по его коже даже сквозь ткань рубахи.

Они двинулись вперёд по краю причала, шагая в ногу с тихим плеском волн. Вначале молчание было тяжёлым, наполненным невысказанным. Элдар ждал, давая ей собраться с мыслями. Дракон внутри него довольно урчал, учуяв близость желанной женщины.

Наконец, он не выдержал.

— Зачем? — спросил он, и его голос прозвучал в тишине громче, чем он ожидал.

Реми вздрогнула, но не отняла руку.

— Что зачем?

— Зачем вы меня позвали? — Он остановился, заставив её тоже остановиться, и повернулся к ней. Лунный свет теперь падал прямо на её лицо, и он видел, как её черты напряглись. — Вы испугались, увидев меня. Испугались так, что побежали. И вот теперь... эта тайная встреча. Зачем?

Реми закусила губу, отводя взгляд в сторону чёрной воды. Её пальцы слегка сжали его руку.

— Потому что о том, что было между нами никто не знает. И я бы предпочла, чтобы все так и осталось. У меня итак из-за вас хватает проблем с министрами. И ваша реакция на нашу встречу была несколько... странной. Поэтому полагаю, лучше мне самой объясниться, чем вы будете пытаться вновь со мной встретиться.

— Почему ты тогда ушла?

Реми выдержала паузу. Её взгляд всё ещё был прикован к воде, но теперь в нём читалась горькая ирония, смешанная с усталостью.

— Как ты себе это вообще представлял? — тихо спросила она, наконец, глядя на него. Лунный свет играл в её тёмных глазах. — Я была в чужой стране под чужим именем. На балу, где никто не должен был знать, кто я на самом деле. Если бы осталась, то пришлось бы соврать. Говорить тебе вымышленное имя, придумывать историю, впутывать тебя в паутину обмана, которая рано или поздно... — она резко оборвала себя, снова закусив губу. — Я не хотела врать тебе. И правду сказать не могла. Я думала, что это будет просто мимолётная ночь с красивым и сильным мужчиной, который видел во мне не более, чем хорошенькую женщину.

Элдар слушал, не перебивая, не отводя взгляд от её лица. И в каждом её слове он слышал не только сказанное, но и недоговорённое. Дракон внутри успокоился, уловив искренность в её голосе. Но генерал в нём, тот самый, что годами учился читать между строк докладов и донесений, уже складывал разрозненные кусочки в подозрительную картину.

— Я понимаю, — наконец сказал он, и голос его был тихим, но твёрдым. — Но тогда возникает другой вопрос. Что ты вообще делала в Эльхарии?

Реми нахмурилась.

— Что?

— Ты сказала, что была там под чужим именем. Ты королева Интеррегнума. Зачем тебе было тайком ехать в соседнее королевство? Да ещё и за два месяца до того, как твоя страна и моя сошлись в войне. — Он сделал паузу, давая словам осесть. — Довольно странное совпадение, не находишь?

Глаза Реми вспыхнули. Она выдернула руку из-под его локтя и отступила на шаг, будто её ошпарили.

— В чём ты пытаешься меня сейчас обвинить? — её голос, до этого тихий и сдержанный, зазвенел от возмущения. — Это не мы напали на Эльхарию! Это ваш король, твой король, вероломно пересёк нашу границу! Мы оборонялись! Или ты уже забыл?

Обида и горечь, долго копившиеся за месяцы войны и её последствий, хлынули наружу. Она резко развернулась, тёмный плащ взметнулся вокруг неё, и она сдеала шаг, чтобы уйти.

— Реми, подожди.

Он шагнул вперёд, рука инстинктивно протянулась, чтобы удержать её. Пальцы сомкнулись на её предплечье, сквозь тонкую ткань платья он почувствовал напряжение её мышц, дрожь, которую она тщетно пыталась скрыть.

— Пусти! — её крик разорвал ночную тишину порта, эхо отскочило от стен складов. Она рванулась, пытаясь высвободиться, но его хватка была железной. — Оставь меня! Или ты решил, что раз я пришла, значит...

— Я ничего не решил, — перебил он, но не отпуская. — Я только хочу понять. Я должен понять.

Она снова рванулась, пытаясь высвободиться. Отчаяние и злость придали ей сил, и она ударила его кулаком в грудь, как загнанный в угол зверь.

— Пусти, я сказала!

Второй удар, третий. Небольшие, сжатые кулачки отскакивали от его грудины, словно от каменной стены. Элдар даже не дрогнул. Он просто стоял, принимая эти беспомощные удары, чувствуя, как с каждым из них в нём рушится та стена недоверия и подозрений, которую он сам же и возвёл.

— Реми... прости. — слова вырвались у него тихо, сквозь стиснутые зубы. — Я не хотел... Я не то...

— Что ты не хотел?! — она выпалила, наконец, прекратив бить его, и замерла, вся дрожа. Глаза её в лунном свете блестели влагой, но слёзы не текли. Она не позволяла им течь. — Обвинить меня в шпионаже? Что я в твою постель легла ради сведений? В том, что я каким-то образом сама навлекла на свою страну войну? Ты действительно так обо мне думаешь?

Он отпустил её руку, как будто обжёгся. Она тут же отпрянула, обхватив себя за плечи, будто внезапно продрогла.

— Нет, — сказал он глухо, опуская голову. Чувство стыда, острое и жгучее, накрыло его с головой.

«Что со мной стало?» — пронеслось в голове. Полгода плена, полурабского существования, постоянного ощущения своей уязвимости сделали его подозрительным, озлобленным, готовым видеть козни даже там, где их не было.

— Нет, Реми. Я не думаю так. Просто... я не понимаю. Я не хотел обвинять. Просто... это правда странно. Ты должна понять, что мы тоже не знали, почему всё началось. Никто в Эльхарии не понимал, почему Хтар решил напасть на вас. Слишком удобное совпадение. Ты должна это понимать.

Он поднял на неё взгляд. Она всё ещё стояла, сжавшись, но теперь в её позе читалась не только обида, но и усталое ожидание.

— Вы не знали, а мы знать должны! Потрясающая логика! — прошептала она, а потом вздохнула, успокаиваясь. — В Интеррегнуме есть традиция. Наследник престола, прежде чем принять корону, должен отправиться в путешествие инкогнито. Посмотреть, как живут люди в других королевствах. Увидеть их обычаи, их законы, их достижения. Перенять что-то полезное для своего народа. Увидеть ошибки, которых стоит избежать. — Она смерила его тяжёлым взглядом. — Этим я и занималась. Путешествовала, наблюдала и училась. А совсем не тем, о чём ты, видимо, подумал.

Элдар молча смотрел на неё, переваривая её слова. В его мире ничего подобного не было. Наследников оберегали как зеницу ока, выпуская разве что на парады под усиленной охраной. Идея отправить будущего правителя в чужие земли без свиты и охраны, под чужим именем, казалась немыслимой, почти безрассудной. Но, вспоминая то, что он видел здесь за полгода, он начинал верить. Только такому обществу могла прийти в голову подобная традиция.

— Но год тому назад ты уже не была принцессой.

— Не была. — Реми горько усмехнулась. — Отцу было уже за шестьдесят, когда я родилась. Поздний ребёнок, неожиданное чудо, как говорили. И потому меня оберегали пуще прежнего. В традиционное, для наследников путешествие меня и не собирались отпускать. Слишком велика была вероятность, что я не успею даже до границ доехать, как отец... — Она откинула прядь волос, упавшую на лицо, и её взгляд стал отстранённым, будто она смотрела не на него, а в ту самую прошлую жизнь. — А когда я взошла на престол, главы аристократических родов принялись с особым рвением знакомить меня со своими сыновьями и племянниками. Балы, пикники, охоты... Полтора года тому назад мне все окончательно надоело и я взбунтовалась.

Она замолчала, и в этой паузе Элдар услышал отголоски знакомого ему чувства удушающей несвободы, когда твоя жизнь перестаёт принадлежать тебе, превращаясь в инструмент в чужих руках.

— И тогда, — продолжила Реми, и в её голосе появилась та самая упрямая, острая нотка, которую он уловил ещё в бальном зале, — я сбежала. Под благовидным предлогом, что традиции необходимо соблюдать, взяла пару верных людей, немного вещей и уехала на несколько месяцев. Была в Эльхарии, была ещё в двух королевствах.

Он смотрел на нее, стараясь прочесть в ее глазах правду или ложь. Лунный свет серебрил ее ресницы, делая взгляд еще более глубоким и неуловимым.

— Ты не знала, кто я? — спросил он, наконец, и голос его прозвучал тише, чем он ожидал. — На балу. Ты не знала, что я генерал? Что я дракон?

Реми покачала головой. Неспешно, почти устало.

— Нет. Я видела перед собой красивого, сильного мужчину. Ты держался как военный, это было заметно. Но имени твоего я не знала, титулов тоже. Ты был незнакомцем, который пригласил меня на танец, и смотрел так, как никто до этого. С вождением.

Он почувствовал, как в груди сжимается то ли облегчение, то ли разочарование. Она не искала его специально. Не высматривала в толпе генерала-дракона, чтобы выведать тайны. Это была всего лишь случайная встреча

— Почему именно я? — спросил он, уже без прежней жесткости, почти смиренно. — В том зале было много мужчин. Знатных, богатых, красивых. Почему ты кивнула именно мне?

Реми отвела взгляд, устремив его в темную воду у причала. Пальцы ее снова нашли его рукав, легкое прикосновение, почти невесомое, от которого его бросало в дрожь.

— Через два дня мы должны были уезжать, — сказала она тихо. — Возвращаться в Аэлиндор. Я чувствовала себя словно в клетке, которую сама же и захлопнула за собой. И в тот вечер... Мне захотелось быть просто женщиной. Желанной. Не из-за короны, не из-за титула, не из-за выгоды, которую я могла бы принести. А просто так. Потому что я нравлюсь. А ты смотрел на меня так, будто я единственная женщина в зале, — продолжила она, и в голосе ее прозвучала легкая, горьковатая усмешка. — Ты видел только меня. И я... я позволила себе поверить в эту иллюзию. Хотя бы на одну ночь.

Элдар закрыл глаза. Дракон внутри затих, прислушиваясь к биению ее сердца, к дрожи в ее голосе. Он понял ее. На том балу, в тот миг, они оба украли у судьбы несколько часов свободы.

— И ты не пожалела? — прошептал он, не открывая глаз. — Что отдалась незнакомцу?

Он почувствовал, как ее пальцы слегка сжали его рукав.

— Пожалела ли я о той ночи? Нет. Ни на секунду. — Голос ее окреп, в нем зазвучала та самая сталь, что пряталась под мягкостью.

Элдар открыл глаза. Луна вышла из-за облаков, заливая её лицо холодным серебром. В её глазах он видел ту же прямооту, что и тогда, в бальном зале — нежелание лгать ни себе, ни ему.

— Ты поэтому отменила мою казнь? Из-за того, что между нами было?

Реми отвела руку от его рукава, будто отгораживаясь от вопроса невидимой стеной. Её взгляд стал отстранённым, деловым. Взглядом королевы, взвешивающей последствия слов.

— До вчерашнего дня, Элдар, я даже не подозревала, что ты и есть тот самый мужчина, — сказала она ровно. — На балу ты не представился. Я ушла до рассвета. Когда тебя привезли в лагерь, я видела тебя лишь издали, в толпе пленных. Герцог Ашвинг, генерал-дракон. Но лицо под слоем пыли и усталости, под прищуром от солнца... Оно было другим. Я не узнала тебя.

Она сделала паузу, её взгляд скользнул по кожаным наручам на его запястьях.

— Узнала я тебя только вчера. А потом их. — Она едва заметно кивнула на браслеты. — Тот же узор, что и у всех магических затворов моего королевства. Тогда всё сложилось. Герцог Ашвинг, скованный моим же заклятьем, и мужчина с того бала — один и тот же человек. Судьба, должно быть, обладает извращённым чувством юмора.

Элдар молчал, впитывая её слова. Случайность, наложившаяся на расчёт.

— И все таки. — настаивал он. — Почему ты отменила казнь, если не знала, кто я?

— Потому что это было бы глупо, — ответила Реми без колебаний. — Уж прости, но ты моя козырная карта в отношениях с твоим родом. Твоя семья одна из древнейших и могущественных среди драконьих родов. Они связали себя клятвой не поднимать оружие против Интеррегнума, пока ты жив и сдерживают Хтара, который рвётся к реваншу. Убью тебя и получу вечную войну с твоими сородичами. В то время как живой ты становишься гарантией и щитом. Это был простой расчёт, Элдар. Холодный и практичный. Никаких личных чувств.

Она произнесла это с такой откровенностью, что ему стало почти больно. Да, это была правда. Правда власти, которой он и сам когда-то руководствовался. Но теперь, стоя так близко, чувствуя её запах, он не хотел верить только в расчёт.

— И никакого другого? — тихо спросил он. — Неужели ты не разу не вспомнила обо мне за этот год? Я вот тебя помнил. — Он шагнул к ней, сократив расстояние до нуля. Теперь их разделял лишь лунный свет и прохладный ночной воздух. — Ты стала моим спасением тогда, когда казалось все кончено. Благодаря тебе я держался. Я не могу тебя забыть. Не могу забыть твои поцелуи, твою кожу под моими ладонями. Твой запах.

Реми отвернулась. Её плечи под тонкой тканью плаща напряглись.

— И теперь? — прошептал он так близко, что её дыхание коснулось его губ. — Теперь, когда ты знаешь, кто я? Когда личное и государственное переплелись в один неразрешимый узел? Что говорит тебе твоё сердце, Реми?

Она подняла на него взгляд. В её тёмных глазах бушевала буря из страха, гнева, растерянности и влечения.

— Оно говорит, — выдохнула она, почти беззвучно, — что это катастрофа. Что мы оба сошли с ума.

Он медленно, давая ей время отстраниться, поднял руку и коснулся её щеки. Кожа под его пальцами была прохладной и невероятно мягкой. Она замерла, не отодвигаясь, лишь её глаза стали ещё шире.

Дракон внутри него зашевелился с тихим, глубоким гулом удовлетворения. *Моя*, — пронеслось в сознании.

— Значит, мы оба сошли с ума, — сказал он, и его большой палец провёл по её скуле. — И, возможно, это единственное разумное, что с нами случилось за все эти месяцы.

Реми закрыла глаза, будто сила воли, державшая её, наконец иссякла. Она прижалась щекой к его ладони.

— Что нам теперь делать? — прошептала она.

— Я не знаю, — честно признался Элдар. — Но я знаю, что не позволю тебе снова исчезнуть. Не во второй раз.

Элдар почувствовал, как дыхание Реми стало неровным. Её щека всё ещё лежала в его ладони, и это прикосновение грозило растопить все оставшиеся преграды между ними.

— Реми, — голос его прозвучал хрипло, почти моляще. — Позволь мне один поцелуй. Только один.

Она медленно открыла глаза, и в них отразился целый мир сомнений, тревоги и того же неукротимого магнита, что тянул её к нему. Её губы, такие знакомые и такие недоступные, слегка приоткрылись.

— Один поцелуй, — повторила она. — А что потом, Элдар? Если позволить раз, то захочется ещё. Это как разжечь огонь в сухом лесу. Остановить его будет уже не в наших силах.

Он видел, как по её лицу пробегают тени борьбы. Королева в ней уже строила баррикады, возводила стены из долга и разума. Но женщина... женщина тянулась к нему.

— Пусть горит, — прошептал он, наклоняясь ближе, чувствуя, как её дыхание смешивается с его. — Мы уже оба в огне с того самого бала.

Их губы почти соприкоснулись. Оставался лишь мучительный, невыносимый миллиметр. Он уже чувствовал её тепло, её дрожь. Но именно в этот миг она выскользнула из-под его ладони, как тень, отступив на шаг в прохладную ночную мглу.

— Именно поэтому — нет», — сказала она, и её голос снова обрёл ту самую стальную уверенность, которая заставляла министров склонять головы. Она поправила плащ, снова натягивая на себя невидимую, но прочную мантию власти. — Этот огонь сожжёт не только нас.

Он не стал преследовать её, не стал умолять. Просто стоял, чувствуя, как ледяная пустота заполняет то место, где секунду назад было её тепло.

— Значит, это конец? — спросил он, и даже сам удивился спокойствию в своём голосе. — Мы обменялись признаниями и разойдёмся, как корабли в ночи?

Реми уже повернулась, чтобы уйти, но на полпути остановилась. Не оглядываясь, она слегка пожала плечами. Жест был настолько непринуждённым, таким обыденным, что он показался Элдару насмешкой над всей его болью.

— Кто знает, — сказала она, и в её голосе снова мелькнула та самая неуловимая, загадочная нотка, которая сводила его с ума тогда, на балу. — Всё возможно. Кстати, для всех остальных, ты вчера меня нагнал, чтобы спросить разрешения на переписку с твоей семьей.

И, не добавив больше ни слова, она растворилась в тени между складами, оставив его одного с гудящим в ушах обещанием, которое было тоньше паутины и острее стали.

«Всё возможно...» — повторил он шёпотом, глядя в темноту, куда она скрылась. Дракон внутри глухо зарычал. Она снова ушла. Но на этот раз она оставила дверь приоткрытой.

Глава 7

Работа в порту была монотонным, размеренным трудом. Хотя магические лебедки и грузоподъёмные механизмы брали на себя основную тяжесть, люди по-прежнему были нужны, чтобы направлять, контролировать и укладывать грузы. Спина ныла к концу смены, ладони постепенно грубели, а одежда окончательно пропиталась стойким букетом солёной воды, смолы, рыбы и древесины. День за днём одно и то же. Тюки, бочки, ящики, движущиеся по чёткому маршруту от причала к складским ангарам и обратно. Под постоянный гул механизмов, переключки бригадиров и крики чаек люди работали слаженно, почти медитативно, втягиваясь в неторопливый, веками отлаженный пульс порта.

Но в этой однообразной громадине труда для Элдара были свои островки тихого, жадного любопытства. То, ради чего он терпел усталость и иногда презрительные взгляды. Корабли. И не только морские.

Порт Аэлиндора делился на два сектора. Один, омываемый морем и второй, всего в пяти минутах ходьбы с башнями и высокими эллингами для тех, кто приходил с небес. Это было зрелище, от которого у Элдара в первые дни кружилась голова.

С моря приходили высокобортные парусники, неуклюжие когти и стремительные клиперы с могучими мачтами, уходящими в небо, парусами, туго натянутыми, как кожа на барабане. Одни были грузовые, неуклюжие и терпеливые, облепленные ракушками по ватерлинии. Другие — изящные, стремительные, с резными галереями на корме и странными, мерцающими огнями на носу, похожими на застывшие звезды. Но теперь его взгляд всё чаще тянулся вверх, туда, где между редкими облаками плыли иные силуэты.

Вот плавно, почти бесшумно, снижался корабль, напоминавший гигантскую птицу из матового голубого металла. С её плоского днища лился золотистый свет, озаряя ближайшие сваи. Это были торговцы из Двидурга, привозившие редкие минералы и редкие меха. По бортам их судов мерцали сложные рунические круги, с помощью которых корабль держался в воздухе.

С другой стороны, с оглушительным рёвом вынырнув из-за горного хребта, заходила на посадку гигантская гондола с раскладными парусами и такой же раскладной крышей из экретовой, похожей на жидкое зеркало, ткани. Кочевники из Вертера. Их вытянутое по форме судно виртуозно лавировало между башнями, а у бортов виднелись ликующие и орущие фигурки, машущие руками наземной команде. Они выгружали тюки с легкими и прочными клинками, диковинными семенами и сушёными плодами.

А в самый полдень мог прибыть живой корабль. Это был неизвестный зверь с вытянутым телом, по бокам которого можно было насчитать до десяти крыльев, а хвост опасно щёлкал при приземлении. На его спине крепились мачты, внутри которых сновали, как обезьянки, маленькие, зелёнокожие существа. Флиркусы. Разгружались они не спеша, словно сами наслаждались передышкой в долгом полёте.

Раньше, будучи генералом, он почти не видел моря, а уж о регулярном воздушном сообщении между народами и речи не шло. В Эльхарии были боевые грифоны, его драконий полёт и редкие, чудовищно дорогие магические ладьи, принадлежащие короне. Его мир был сухопутным, где и свои, и чужие на земле, и между ними чёткая, кровавая граница. Корабли, морские или воздушные, были для него тактическим объектом, элементом на карте. Сугубо утилитарным, лишённым какого бы ни было очарования. Он знал, что мир огромен, конечно. Знания, почерпнутые из книг и отчётов разведки, лежали в его сознании мёртвым грузом фактов.

Но знать одно дело. А вот видеть — совершенно другое.

Теперь он стоял на краю причальной платформы «Яруса Олегорла», третьего яруса воздушной гавани, опираясь на рукоять гидравлической тачки, и смотрел, как швартуется оче-

редной «чужеземец с небес». К борту огромного, похожего на дирижабль с латунными лопастями, корабля пристраивались мостки, и по ним сходили существа. Или выкатывались, или выплывали.

Вот группа коренастых гномов в темных комбинезонах, везущих тележки с дымящимися вечными углями и артефактами. Их разговоры, похожие на перекачивание камней, оглушительно грохотали, заглушая даже гул пропеллеров.

Рядом, с изящной каравеллой плавно спустились, почти не касаясь ногами настила, высокие фигуры Дехалов, больше напоминавших призраков. Их тела, созданные из плотного тумана, скользили между сотрудников порта. Они выгружали грузы, левитируя их на подмостки. Неслышно. Не издавая ни единого звука.

Элдар наблюдал, и в его груди что-то тихо шевелилось смутное, почти детское изумление, смешанное с глубокой, драконьей тоской по настоящему полёту. Его природа, веками заточенная на владение своим участком неба, охрану своих воздушных границ, вдруг обнаружила, что за этими границами не просто пустота или вражеские вингеры, а целые вселенные. Живые, дышащие, непохожие, бороздящие воздух на крыльях, магии, парусах или непонятных ему реактивных потоках.

Он слушал обрывки чужих языков, видел странные жесты и сигналы, которых не было в Эльхарии. Замечал, как по-разному здесь, в этой шумной утробе мира, относились к пришельцам. Кричали им, шумели с ними, смеялись и накладывали штрафы за нарушение правил.

Здесь он впервые осознал, что мир не вращался вокруг его войны, его поражения, его закованных крыльев. Мир был огромен, разноцветен, шумен, многоярусен и прекрасен.

Иногда, в редкие минуты передышки, он отходил к самому краю пирса и смотрел на бирюзовое море, усеянное парусами и на бескрайнюю лазурь, расчерченную тонкими белыми полосками высотных течений, по которым скользили корабли. Его дракон в такие моменты тихо шевелился с тоской по настоящему небу, бесконечному и многослойному, что принадлежит всем и никому. Оно полно чудес, которые он даже не мог вообразить.

Дни текли, и порт вдруг начинал преобразаться. Элдар заметил это сначала по мелочам. На мачтах пришвартованных кораблей и на шпилях эллингов воздушной гавани появились длинные, узкие вымпелы из ткани, переливающейся от глубокого индиго до нежно-перламутрового. Между складами натянули гирлянды из хрустальных сфер, внутри которых мерцал мягкий, меняющийся свет.

Затем изменились и разговоры. Обычный рабочий гул, состоящий из команд, ругательств и шуток, всё чаще перемежался оживлёнными обсуждениями планов на предстоящий праздник.

— Ты «Врата» видел в прошлом году? — кричал седой крановщик Мирон своему напарнику, направляя магический захват к трюму очередного сухогруза. — Там такое показывали! Мир, где деревья из синего стекла, а по небу плывут рыбы!

— Ага, а я видел, где вместо солнца три луны висят, и все разного цвета! — отозвался тот. — Жена аж в обморок чуть не грохнулась, когда через рамку на тот мир взглянула. Там существа из света вальс танцевали!

Элдар, перекачивая бочку с пряностями на склад, прислушивался, стараясь не выдавать своего интереса. «Врата». «Рамки». «Иные миры». Слова звучали как отголоски сказок, которые ему читала в детстве мать. Но здесь о них говорили с такой же непринуждённостью, как о погоде или новых ценах на хлеб.

Во время перерыва, сидя на ящике у стены и зачерпывая деревянной ложкой густую похлёбку, он наконец спросил напрямую. Его соседом оказался Рен, грузчик с добродушным лицом, изборождённым морщинами и ветром.

— Что это за праздник готовят? О чём все говорят?

Рен, с набитым ртом, удивлённо хмыкнул, проглотил и обер рукавом губы.

— Ты ж не местный, ну да, запоматвал. Дала же! Грядет, через пару недель всего.

— Дала? — переспросил Элдар.

— Праздник Порога, — пояснил другой рабочий, молодой парень по имени Кел, присоединившись к ним. — Когда границы между мирами истончаются. День, когда наши предки, сами того не ведая, прорвались сквозь пелену и узнали, что мы не одни. Что есть сотни миров. Просто завеса на миг приподнялась.

Рен кивнул, его глаза заблестели от возбуждения.

— И с тех пор каждый год в Высоких Садах, это у дворца, знаешь? Устанавливают Врата. Маги их настраивают. Не настоящие порталы, нет-нет! — он замахал руками, увидев, как брови Элдара поползли вверх. — Так, смотровые окна. Рамки. Заглянешь в одну и увидишь уголок чужого мира. Как он есть прямо сейчас. Живое окно в иную реальность.

— И каждый год миры разные, — подхватил Кел. — Никогда не повторяются! Вон, говорят, в этом году Совет Магов уже сигналы поймал с полдюжины новых. Один, слышал я, совсем дикий. Там время течёт назад, и все ходят задом наперёд. Представляешь?

Элдар представлял с трудом. Бесчисленные миры? Случайные «окна»? Это противоречило всему, что он знал. Но он видел искренность в глазах этих простых людей.

— И все могут посмотреть? — спросил он.

— Конечно! — рассмеялся Рен. — Весь город туда ломится. От мала до велика. Купцы лотки с яствами ставят, музыканты играют, дети бегут от одной рамки к другой... Красота! Ты обязательно сходи. Прямо в день праздника, на закате, Врата активируют. И до самого рассвета можно смотреть.

Мысль о таком зрелище вызвала в Элдаре странное чувство. Часть его, драконья, жаждала увидеть эти чудеса, ощутить дыхание бесконечности. Другая часть, вымуштрованная генеральская, настораживалась: подобные знания, такой свободный доступ к тайнам мироздания... Разве это не опасно? Не подрывает устой?

Но, глядя на оживлённые лица Рена и Кела, он понимал, что здесь это было нормой.

Вечером того же дня, когда к Элдару пришёл дворцовый служащий, чтобы проверить генерала, он, собравшись с духом, задал вопрос.

— Мне говорили о празднике Дала. Говорят, в Высоких Садах будут установлены смотровые Врата в иные миры. Это правда?

Служащий, молодой человек с аккуратной бородкой и внимательным взглядом, кивнул, не выражая удивления.

— Совершенно верно, герцог. Это одна из главных традиций Интеррегнума. Вам, как гостю, будет предоставлен доступ. — добавил он вежливо.

— А королева? Она будет присутствовать? — спросил Элдар, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как простая формальность.

Молодой человек позволил себе лёгкую, почти незаметную улыбку.

— Её Величество традиционно открывает праздник и проводит у Врат большую часть вечера. Для народа это особенный знак. Она первая смотрит в новые миры и делится впечатлениями.

Элдар кивнул, отпуская служащего. Когда дверь закрылась, он подошёл к окну, глядя на вечерний город, уже украшенный мерцающими гирляндами. Где-то там, в Высоких Садах, готовились установить рамки в неизвестность. И там же будет она. Реми.

Дракон внутри глухо заурчал, на этот раз от предвкушения. Предвкушения от возможности увидеть её снова, в этом магическом свете праздника, среди толпы, где их взгляды смогут встретиться без помех, под аккомпанемент вселенских тайн.

«Всё возможно», — как сказала она.

* * *

Элдар стоял перед узким зеркалом в своей спальне, с неловкостью поправляя воротник простой, но чистой рубахи из темно-синего полотна. Она была новой, купленной на прошлой неделе после долгих раздумий. Не парадный мундир, но ткань оказалась добротной, а покрой строгим, с отстроченными швами и аккуратными манжетами. Поверх он надел темно-серый жилет из недорого атласа и черные штаны, не поношенные, без заплат и новые сапоги.

В дверном проеме возник Флип, и Элдар чуть не вздрогнул. Мальчишка преобразился. Его вечно взъерошенные рыжие вихры были смочены и старательно приглажены, на нем была аккуратная коричневая куртка с медными пуговицами и короткие штаны, заправленные в высокие носки. Лицо сияло от гордости и возбуждения.

— Ну что, герцог? — Флип покрутился на месте, демонстрируя наряд. — Почти как настоящий горожанин, а? Тетка Марта, прачка, помогла. Говорит, на праздник нельзя в рваньё, стыдобуще.

— Выглядишь отлично, — честно сказал Элдар, и уголки его губ дрогнули в почти улыбке. — Готов?

— Еще бы! — Флип вытащил из кармана яблоко, откусил с хрустом. — Только давай пойдем пораньше, а то все лучшие виды у рамок разберут! Я знаю короткую дорогу, через Кузнечный переулок и потом по крышам складов... э-э-э... то есть по набережной.

Элдар кивнул, накинул темный плащ, и они вышли в начинающиеся сумерки. Город, уже украшенный, теперь буквально кипел жизнью. Окна домов сияли теплым светом, на улицах толпились люди в ярких нарядах. Повсюду слышался смех, звонкие голоса детей, доносилась музыка. Фонари, не только магические, но и простые бумажные, в форме птиц и странных цветов, качались на протянутых над улицами веревках.

Флип, верный своему слову, вел его не по главным артериям, а по лабиринту задворков и тихих переулков, где праздничная суета была чуть приглушенной. Мальчик без усталости комментировал все вокруг:

— Вон, смотри, булочник Эдгар, он каждый год пряничные Врата печет, целые, в человеческий рост! А это дом старого картографа Альво, он, говорят, карты других миров рисует, по тому, что в рамках видит...

Элдар слушал рассеянно, его собственные нервы были натянуты струной. Он не видел ее с той ночи у причала. Сейчас она будет там, в центре всего этого волшебства, окруженная народом, министрами, стражей. Доступная взгляду, но недостижимая.

Наконец, они вышли из узкого прохода между двумя высокими зданиями, и перед ними открылись Высокие Сады.

Элдар замер, впечатленный даже не столько красотой, сколько масштабом. Сады раскинулись на террасированном склоне холма у подножия королевского дворца, чьи легкие башни и мосты терялись в вечерней дымке. Но сейчас взгляд притягивало не здание, а сама территория. Она была заполнена людьми. Целое море голов, пестрых одежд, сияющих украшений. Казалось, вся столица, от младенцев в колясках до древних стариков, опиравшихся на посохи, собралась здесь.

А над ними, на специально сооруженных каменных платформах и легких ажурных конструкциях из блестящего металла, стояли Врата.

Их было около двух десятков рамок, овальных, круглых, арочных и прямоугольных. Они парили в воздухе на небольшой высоте, не касаясь опор, и сквозь них была видна иная реальность. Одна рамка показывала фрагмент леса с гигантскими папоротниками и ползущими по стволам светящимися мхами. Другая уголок пустыни с дюнами цвета розового золота, над которыми плыли два крошечных солнца. Третья поверхность океана, но вода в нем была густой, и по ней скользили силуэты существ с длинными, тонкими щупальцами.

Вокруг каждой рамки толпился народ, но царила удивительно тихая, почти благоговейная атмосфера. Люди не толкались, а терпеливо ждали своей очереди, чтобы на несколько

мгновений заглянуть в чужую вселенную, прошептать что-то соседу, покачать головой от изумления.

Между толпами сновали торговцы с подносами и тележками. Сегодня здесь продавали настоящие диковинки: леденцы, внутри которых мерцали крошечные звездочки; пирожки с начинкой, меняющей вкус от укуса к укусу; напитки, от которых легкое покалывание разливалось по коже и на минуту обостряло все чувства. Музыканты, рассеянные по лужайкам, играли на инструментах, часть которых Элдар видел впервые: какие-то инструменты из хрусталя, многослойные флейты, издававшие звуки, похожие на шелест листьев и журчание ручья.

И повсюду, среди пестрой толпы аэлиндорцев, мелькали и чужаки. Элдар узнавал их по покрою плащей, непривычным акцентам, дорогим, но чужеродным украшениям. Торговые делегации из прибрежных королевств, ученые маги из горных академий, даже, как ему показалось, пара настороженных дехалов, чьи полупрозрачные лица были бесстрастны, но глаза жадно впитывали каждую деталь Врат. Интеррегнум, казалось, в этот день был открыт для всех.

— Ну? — дернул его за рукав Флип, сияя. — Говорил же! Ничего подобного у вас там нет!

— Нет, — честно признался Элдар, и его собственный голос прозвучал приглушенно. — Нет у нас ничего подобного.

Его взгляд скользил по толпе, бессознательно выискивая один-единственный силуэт. И он нашел его почти сразу.

На центральной, самой высокой платформе, у самого большого арочного Врата, мерцавшего глубоким, как ночное небо, синим светом, стояла Реми.

Она была одета в длинное платье изысканного кроя цвета темного серебра, которое переливалось при каждом ее движении, словно соткано из лунного света. Волосы, собранные в сложную, но не строгую прическу, были украшены лишь тонкой диадемой с одним небольшим сапфиром, мерцавшим тем же светом, что и Врата за ее спиной. Она не сидела на троне, а стояла, окруженная небольшим полукругом придворных и стражников, и спокойно беседовала с кем-то из магов — пожилым мужчиной в синих одеждах, жестикулировавшим в сторону рамки.

Дракон внутри тихо заворчал: "Наша", — пронеслось в его сознании, но он отогнал эту мысль.

— Пойдем ближе? — прошептал Флип, съжившись под тяжестью его молчаливого напряжения. — Может, к какой-нибудь рамке подойдем, пока очередь небольшая?

Элдар кивнул, не в силах отвести взгляд от серебристой фигурки на платформе. Они стали пробираться сквозь толпу, и с каждым шагом волшебство праздника, смешанное с острым, сладким ядом ожидания, охватывало его все сильнее. Он был здесь, среди этого чуда. И был намерен насладиться им в полной мере.

Прошёл час, может, больше. Элдар с Флипом обошли несколько рамок, заглянули в миры с плывущими в небесах медузами и леса, где деревья пели тихим хором. Восторг мальчишки был заразителен, и на какое-то время Элдар позволил себе забыться, раствориться в этом вселенском карнавале. Но постепенно, исподволь, словно далёкий набат сквозь музыку, в нём начало расти иное ощущение.

Сначала это был лёгкий зуд под рёбрами, едва заметное беспокойство. Элдар списал его на усталость от толчеи и непривычную яркость впечатлений. Но чувство не утихало, а крепло, становилось настойчивее. Дракон внутри, до этого дремлющий или спокойно наблюдающий, начал шевелиться. Не тоскливыми потягиваниями, как бывало в порту при виде высокого неба, и не лихорадочным гулом близости Реми. Это было настойчивое, почти физическое побуждение. Зверь скребся когтями где-то в глубине грудной клетки, поворачиваясь, словно стрелка компаса, и его внимание, тяжёлое и сосредоточенное, было приковано не к Вратам, не к толпе,

а куда-то на запад, в сторону от сияющих Садов, к тёмному массиву холмов, нависавших над окраинами города.

Элдар замедлил шаг, положив руку на грудь, будто пытаясь унять странную судорогу. Дракон ответил настойчивым, непререкаемым давлением. Иди.

— Элдар? — Флип, заметив его странную позу, нахмурился. — Живот прихватило? От тех радужных пирожков, я же говорил, не надо было брать...

— Нет, — отрезал Элдар, и его голос прозвучал приглушённо. Он заставил себя выпрямиться, оторвать взгляд от мерцающей вдали платформы с серебристой фигуркой. — Флип, ты сам дойдёшь до дома?

Мальчик замер, его праздничное возбуждение сменилось мгновенной настороженностью. Он взгляделся в лицо Элдара, в его напряжённые скулы, в глаза, в которых вспыхнул «драконий» отсвет.

— Дойду, конечно, — быстро сказал Флип, кивая. — Я уже большой. А ты... ты куда?

— Мне нужно... пройтись. Одному. — Элдар с трудом подбирал слова, борясь с внутренним импульсом, который уже начал разворачивать его тело в сторону западного выхода из Садов. — Не жди меня. Запри дом. Ложись спать.

— Но праздник ещё... — начал было Флип, но увидел выражение на лице хозяина и умолк. Он крикнул, надул щёки. — Ладно. Только ты... будь осторожен. Говорят... — он понизил голос, — ...в эту ночь духи просыпаются. Из давних времён.

— Духи меня не тронут, — пробормотал Элдар, уже отворачиваясь. Его ноги сами несли его прочь от света, в сторону широкой аллеи, ведущей к городской стене. — Спасибо, Флип.

Он не оглядывался, чувствуя, как тревожный взгляд мальчика провожает его в спину. Но дракон внутри успокоился, как только Элдар подчинился его зову. Беспокойство сменилось целеустремлённым, хищным вниманием. Он шёл, почти не замечая окружающих, обходя праздные группы, его шаги были быстрыми и твёрдыми. Музыка и смех остались позади, сменившись тишиной городских окраин. Здесь было темнее, фонарей меньше, воздух перестал пахнуть яствами, а стал пахнуть хвоей и холодным камнем.

Он миновал низкую стену, отделявшую Высокие Сады от дикого склона, и оказался на узкой, петляющей тропе, ведущей вверх. Городской гул окончательно отступил, уступив место шелесту ночного ветра в редких соснах и далёкому крику ночной птицы. Луна, полная и яркая, выплыла из-за облаков, заливая каменистый ландшафт призрачным серебром.

Склон стал круче, тропа едва различимой. Элдар шёл, почти не глядя под ноги, доверяясь слепому инстинкту, что вёл его вперёд. Дракон внутри теперь не скребся, а тихо вибрировал, словно настроенный на какую-то незримую частоту. Через полчаса тяжёлого подъёма он вышел на небольшое плато. И замер.

Перед ним, поднимаясь ярусами, вздымались каменистые выступы. Древние, испещрённые трещинами и сколами образования, похожие на гигантские, полужасыпанные плиты. Они стояли полукругом, обращённые гладкими, почти вертикальными плоскостями к лунному свету. И на этих плоскостях, покрытых мхами и лишайниками, виднелись знаки.

Элдар подошёл ближе, сердце заколотилось где-то в горле. Он не подходил вплотную, остановившись в десятке шагов, но и этого расстояния хватило.

Это была письменность. Знаки были грубее, мощнее человеческих, высеченные в камне с такой силой, что даже за тысячелетия эрозии не стёрлись до конца. Угловатые спирали, острые зигзаги, штрихи, похожие на когтистые борозды. Они покрывали скалы, образуя не хаотичные нагромождения, а явные строки, столбцы, целые блоки текста.

И Элдар понимал их.

Знание поднималось из самых глубин его существа, из той части, что была драконом. Древний, архаичный язык, забытый даже большинством его сородичей, язык первых драконов.

«...Здесь отдыхал крылом Рассерс, Первокрылый, после битвы с Тьмой из-за моря...» — гласила надпись на ближайшей плите.

Элдар обходил выступы один за другим, зачарованный, читая летопись, оставленную его древней расой на этой чужой земле. Здесь были предупреждения об опасностях, короткие хроники сражений, имена и титулы... Это был некрополь памяти, высеченный в живом камне.

Он остановился перед самой крупной плитой в центре полукруга. На ней не было множества строк, только несколько огромных, глубоко врезаемых символов, занимавших всю поверхность. И они были старше, могущественнее, от них веяло такой первобытной силой, что по спине Элдара пробежал холодок даже сквозь плащ.

«Здесь кровь Мейэра смешалась с огнём Рассерса. Здесь родился союз. Здесь поклялись Хранитель и Дракон. Пока течёт кровь одного, жив будет другой. Пока бьётся сердце другого, стоит мир этого. Нарушившему — забвение и пепел.»

Элдар протянул руку. Воздух вокруг плиты казался гуще, тяжелее, наполненным отзвуком той древней, страшной магии. Он понимал теперь. Понимал всё. Почему дракон привёл его именно сюда.

— Я не советую тебе его трогать. — раздался голос за его спиной.

Глава 8

Он обернулся.

На фоне лунного неба, среди острых скальных зубцов, стоял дракон. Вернее, его контур, сотканный из лунного света, тумана и теней. Он был огромен, даже по меркам рода Ашвингов. Очертания его были расплывчатыми, но в каждом изгибе длинной шеи, в гордой посадке рогатой головы, в массивных очертаниях сложенных крыльев читалась невероятная, подавляющая древность.

Его глаза, две тлеющие углины в глубоких впадинах, светили тусклым, холодным зелёным пламенем, в котором мерцали целые тысячелетия. Элдар почувствовал, как воздух стал вязким, наполненным запахом остывшего пепла, высохшей крови и камня, нагретого за день солнцем.

— Договор трогать не надо, — повторил призрак, и его голос был скрежетом камня о камень, от которого заныли зубы. — Сегодня Дала. Стены между мирами хрупкие. Лучше не стоит.

Элдар заставил себя выпрямиться, подавить инстинктивный, животный трепет, который исходил от самой его драконьей сущности. Перед ним был Предок. Он знал это, но не знал откуда.

— Меня сюда привёл мой дракон, — сказал он вслух, и его собственный голос показался ему жалким, юным щебетом на фоне этого бездонного гула веков.

Призрачный дракон медленно, с трудом, словно каждое движение причиняло боль от старости, наклонил голову. Тлеющие угли глаз внимательно, без спешки, рассмотрели Элдара с головы до ног, задержались на плотно застёгнутых манжетах плаща, скрывавших наручи. Старик-дракон издал звук, который можно было принять за усмешку — сухое потрескивание, будто ломаются вековые наплывы лавы.

— Не удивлён, — проскрежетал голос в его сознании. — Кровь зовёт кровь. Ты пахнешь тревогой, пленённый отпрыск. И... тоской. Сильной тоской.

Элдар сглотнул. Вопросов было столько, что они спорили друг с другом, не давая вырваться наружу.

— Что это за место? — сумел выдавить он. — И кто ты?

Призрачный дракон выпрямил шею. Его взгляд, тлеющий и всевидящий, упёрся в далёкий город, в блёклое сияние праздничных огней, и застыл там на долгую минуту. Казалось, он видел не современный Аэлиндор, а что-то иное, давно погребённое под слоями времени и новых построек.

— Я Рассерс. — его «голос» прозвучал в сознании Элдара с оттенком горькой иронии. — Точнее, как сказали бы люди, то, что от него осталось. Тело давно уже истлело в земле.

Рассерс Первокрылый. Одно из имён из самой первой, самой смутной строки на плите. А еще тот, о ком в детстве ему рассказывал дед и отец. Первый дракон. Элдар почувствовал, как подкашиваются ноги. Он стоял перед мифом, ожившим в лунном свете.

Он медленно, будто через неимоверную тяжесть, повернул рогатую голову к центральной плите, к тем самым грозным символам.

— А это памятник глупости. Или мудрости. Смотря, с какой стороны посмотреть. Договор между мной и моим лучшим другом. Мы выцарапали это здесь, когда были молоды. Он своим клинком, я — когтями. Он хохотал, а я дразнил его, что его руны кривы, как лапы у слепого грифона.

Элдар почувствовал, как его собственное сердце пропустило удар. «Хранитель и Дракон» — гласили древние письмена.

— Ты... и Мейэр? — прошептал он.

Призрак-Рассерс снова издал тот сухой, потрескивающий звук — подобие смеха, лишённого всякой веселости.

— А, так ты умеешь читать древнее клинопись? Не такой уж неуч, как кажешься. Да. Я и Мейэр. Он был Хранителем, а я молодым, глупым драконом, нашедшим здесь пристанище после долгого пути. Мы встретились очень далеко от этого места, и подрались из-за охотничьих угодий. Потом подрались за лучшее место для сна на солнце. Потом просто дрались, потому что было скучно. А потом он стал моим лучшим другом.

Он помолчал, и его призрачные крылья, сложенные за спиной, чуть дрогнули, будто от порыва давно угасшего ветра.

— Глупыми мы были, — повторил призрак, — но не настолько, как ты, нынешний отпрыск.

Рассерс медленно провёл взглядом по далёкому мерцанию города. Его тлеющие глаза словно затянулись дымкой воспоминаний.

— Пахнет едой, — проскрежетал он, и в его «голосе» прозвучала неприкрытая, почти жадная ностальгия. — Оттуда, с праздника. Мясо на углях... сладкие плоды, пропитанные мёдом и острые специи, от которых плавится камень в глотке. Я очень любил поесть. Когда был жив. Мог проглотить целого быка, зажаренного с корнями и травами. А потом лежать на солнце, переваривать.

Он причмокнул со странным, щелкающим звуком, будто камешки падают в глубокий колодец.

— А ещё женщин любил. Очень. Величайшее удовольствие — сжимать её в когтях где-нибудь на заоблачном утёсе, чувствуя, как бьётся её сердце в унисон с твоим... А ты что делаешь? — вдруг сменил он тон, и зелёные угли его глаз вспыхнули с внезапным раздражением. — Стоишь здесь, пялишься на старые камни, и спрашиваешь про давно истлевших друзей. Вместо того чтобы быть там, со своей самкой.

Элдар почувствовал, как жаркая волна стыда и досады подкатила к горлу. Дракон внутри него вдруг глухо заворчал в ответ, соглашаясь с Рассерсом.

— Она не просто самка, — сквозь зубы процедил Элдар, но голос его звучал слабее, чем хотелось. — Она королева. И между нами стоит не просто расстояние.

— Пф-ф! — Из пасти призрака вырвалось облачко призрачных искр, тут же растаявшее в холодном ночном воздухе. — Стоит! Деревья тоже стоят. И что? Их ветви сплетаются поверх голов, а корни — под землёй. Эх! Отпрыски! Сколько тебе сейчас?

— Почти семьдесят.

— Детеныш! — повторил Рассерс. — И уже учишь жизни? Ха! Ты ещё молоко на морде не облизал, а уже важничаешь, будто седой старик. «Она королева», — передразнил он, скрипучий голос наполнился насмешкой. — Значит, по твоей драконьей логике, если самка носит корону, то к ней надо подползать на брюхе и лизать её подошвы? Или, может, строить из себя такого же важного истукана, как эти камни? Глупость. Одна из многих, которым учит вас ваша же собственная спесь.

Элдар сжал кулаки. Кожаные наручи врезались в запястья, но сейчас эта боль казалась ничтожной по сравнению с тем, как его драконья сущность отзывалась на слова Предка чем-то вроде стыдливого согласия.

— А что, по-твоему, мне делать? — вырвалось у него, и в голосе прозвучала та самая беспомощная ярость, которую он так тщательно подавлял все эти месяцы. — Прийти к ней на глазах у всего двора, у министров, у стражи?

— Прийти к ней на глазах у всего двора... — передразнил его Рассерс, и зеленые угли его глаз сузились. — Да, детеныш. Драконы не спрашивают. Драконы берут.

Элдар отвернулся, чтобы скрыть лицо, но древний дракон, казалось, видел его насквозь.

— А ты сам-то что здесь делаешь? — спросил Элдар резко, пытаясь перевести разговор. Голос его дрогнул. — Ты же умер. Почему ты здесь? Почему я тебя вижу?

Рассерс замер на мгновение. Казалось, даже призрачный ветер перестал шелестеть в его полупрозрачных перепонках крыльев.

— Умер, — протянул он наконец, и в его скрежете появилась странная, глубокая нота, похожая на отдаленный гул подземных пластов. — Да. Мое тело стало прахом, смешалось с землей этих холмов. Из него выросли сосны, чьи корни обняли мои кости. Но память и клятва — вещи куда более цепкие. Особенно в ночь Дала. Особенно здесь.

Он медленно, будто с наслаждением, повел головой, оглядывая лунные скалы, испещренные письменами.

— Мы с Мейэром... мы появляемся здесь. Каждый год, когда стены между мирами становятся тонки. Ненадолго, просто чтобы посмотреть. Иногда летаем над этими вашими новыми городами, над огнями праздника. Слушаем музыку. Чувствуем запахи еды, которые я так любил. Смотрим, как танцуют потомки тех, ради кого мы когда-то выцарапали эту глупую, прекрасную клятву в камне. — Его голос стал тише, почти задумчивым. — Он, наверное, скоро придет. Вечно задерживается, старый хитрец. Любит подсматривать за вашими магами у тех своих Врат, восхищается, как далеко вы ушли в своих игрушках.

Рассерс снова издал свой сухой, потрескивающий смех. А затем, он вдруг стал серьезным.

— Будь осторожнее, детеныш. Не нравится мне, как пахнет воздух в этом мире в последнее время. Я однажды его уже чувствовал.

— Что ты чувствуешь? — спросил Элдар, и в его голосе прозвучала та самая тревога, что гнала его сюда.

Зелёные угли глаз Рассерса вспыхнули ярче, но свет их стал холодным, почти ледяным.

— Конец драконов, — проскрежетал призрак, и слова его повисли в ночном воздухе, тяжёлые, как надгробные плиты. — Тот же запах, что витал в воздухе перед Великим Угасанием. Тот же холод в костях, та же тишина в небесах, которая наступает, когда последнее крыло складывается в последний раз.

Элдар почувствовал, как по спине пробежала ледяная волна. Даже дракон внутри него замер, словно придавленный этим пророчеством.

— Но это невозможно, — вырвалось у Элдара, но голос его звучал без убеждённости. — Мы сильны. Наши роды...

— Сильны? — Рассерс перебил его, и в его скрежете зазвучала безжалостная горечь. — Я тоже так когда-то считал. Пока жизнь не показала мне обратное. Да и ты сам, хоть и дракон, но в плену.

Он помолчал, и его призрачный взгляд снова унёсся к мерцающим огням праздника.

— Мейэр что-то знает. Чувствует больше, чем я. Что-то видит в своих Вратах, в переплетениях нитей. Но мне не говорит. Старый хитрец. — В голосе Рассерса прозвучала странная смесь досады и глубочайшего доверия. — Но я ему верю. Если он молчит — значит, есть причина.

— Ты явился мне из-за этого? — спросил он, и голос его стал тише, почти беззвучным на ветру. — Из-за конца? Чтобы остановить его?

Зеленые угли в глазницах призрака медленно мигнули. Рассерс издал протяжный, скрипучий звук, похожий на вздох тысячетлетней тяжести.

— Нет, отпрыск. Не поэтому.

— Тогда почему? — настаивал Элдар, чувствуя, как древний холод от плит проникает сквозь плащ. — Раз драконы в опасности...

— Они не в опасности. Пока.

Он замолчал, и казалось, древний камень вокруг них вобрал в себя его молчание, сделал его ещё гуще и тяжелее. Даже шелест ветра в редких соснах и крик далёкой совы притихли,

будто затаив дыхание. Зелёные угли в глазницах призрака разгорелись снова, но теперь в их мерцании читалась не насмешка, а нечто иное. Усталость. Безмерная, окаменевшая усталость, которой не было счёта векам.

— Когда провалитесь вместе в междумирье, ты должен оставить ее под любым предлогом одну и не вмешиваться, пока твой дракон не зарычит. А до этого сделать все, чтобы на твоём пальце оказалось такое же кольцо, как и на ее магах. Ты понял меня?

Элдар резко поднял голову. Призрак древнего дракона уже начал таять, расплываться в лунном свете, становясь частью ночного тумана.

— Что значит провалитесь в междумирье?

— Иди, детеныш, — проскрежетал угасающий голос.

И с последним шелестом, похожим на падение сухих листьев на камень, призрак Рассерса растворился.

* * *

Возвращение в гушу праздника было подобно погружению в кипящий котел после ледяной тишины гор. Шум, свет, запахи ударили в чувства с удвоенной силой, заставив Элдара на миг зажмуриться. В ушах ещё стоял скрежет голоса Рассерса, а перед глазами плясали зелёные угли в пустоте. «Провалитесь в междумирье... Кольцо... Не вмешиваться, пока дракон не зарычит...» Слова вертелись в голове бессмысленным, тревожным вихрем. Он ничего не понимал. Ни о каком междумирье он не слышал. Кольцо мага? Как его получить? И главное — зачем? Предупреждение или указание к действию? Угроза или шанс? Вопросов было больше, чем даже самых безумных предположений. И это не просто беспокоило — это злило. Злило своей неясностью, ощущением, что его, как пешку, двигают по доске, правила которой ему неведомы.

Он с силой выдохнул, пытаясь стряхнуть оцепенение, и начал пробираться обратно в Высокие Сады. По дороге он машинально искал в толпе Флипа. Мальчишка, как выяснилось, домой не ушёл. Элдар заметил его у лотка со сладостями: Флип, облизывая пальцы, с важным видом выбирал очередной радужный пирожок, его щёки были вымазаны кремом, а глаза сияли абсолютным, беззаботным счастьем. На мгновение Элдара охватила почти отеческая нежность, смешанная с досадой. Этот сорванец жил здесь и сейчас, в то время как его хозяина разрывали на части призраки прошлого и туманные пророчества о будущем.

Он уже сделал шаг в сторону Флипа, намереваясь взять его за шиворот и наконец увести домой, но в этот момент заиграла музыка. Струнные инструменты запели низко и протяжно, к ним присоединились лёгкие, ритмичные удары в барабаны, похожие на биение сердца. Мелодия была знакомой — старинный, медленный танец, который он слышал и в Эльхарии. Танец, где пары кружатся в тесном, почти интимном сближении.

На центральной лужайке, где до этого просто толпились люди, рабочие быстро соорудили с помощью артефактов большой деревянный подмост. И на него потянулись пары. Молодые и не очень, застенчиво взявшись за руки или уже уверенно обнявшись. Смех стал тише, разговоры смолкли, уступив место шуршанию платьев, скрипу подошв по настилу и этой гипнотической, влекущей музыке.

Элдар замер на краю толпы, наблюдая. Его взгляд, будто сам собой, потянулся через всё пространство Садов к той самой центральной платформе, где всё ещё стояла серебристая фигура Реми. Она отошла от Врат и теперь беседовала с кем-то из придворных дам, но её взгляд, казалось, тоже скользил по танцующей площади. В свете магических шаров и отблесков чужих миров её профиль казался одновременно близким и бесконечно далёким.

И тогда в нём что-то щёлкнуло. Дракон внутри, до этого притихший после встречи с Предком, вдруг глухо заурчал с одобрением и решимостью.

Элдар медленно, почти не осознавая своих действий, сбросил с плеч плащ, оставшись в тёмно-синей рубашке и жилете. Он провёл рукой по волосам, смахнув налипшие хвоинки с

горного склона. Потом выпрямил плечи. И медленно, но неуклонно начал прокладывать путь через толпу. Люди расступались перед ним, чувствуя исходящую от него волну сосредоточенной, неумолимой энергии. Он не бежал, не суетился. Он шёл, как когда-то шёл на вражеские укрепления, — зная, что впереди может быть гибель, но отступить уже поздно.

Его взгляд не отрывался от Реми. Он видел, как она заметила его движение. Как разговор её замедлился, а затем вовсе прекратился. Как её спутницы умолкли, с любопытством и лёгкой тревогой следя за приближающейся фигурой. Как стражники у подножия платформы насторожились, руки невольно потянулись к эфесам.

Элдар игнорировал их. Он подошёл к самому краю платформы, на две ступени ниже того уровня, где она стояла. Музыка вокруг лилась, пары кружились, но здесь, в этом маленьком пространстве, воцарилась напряжённая тишина. Все взгляды придворных, стражников, ближайших зрителей были прикованы к нему.

Он поднял голову и встретился с её взглядом. В её тёмных, широко раскрытых глазах он прочитал шок, вопрос, а затем стремительно нарастающую тревогу. Она явно ждала чего угодно, но не этого.

Элдар поклонился, а затем поднял руку, ладонью вверх, приглашая.

— Ваше Величество. Осмелюсь ли я надеяться на честь следующего танца?

Тишина вокруг стала оглушительной. Даже музыка, казалось, на миг притихла. Один из стражников сделал резкое движение вперёд, но Реми едва заметным жестом остановила его. Она смотрела на Элдара, и по её лицу пробегали тени испуга, недоверия, растерянности... и что-то ещё, что заставило её щёки слегка вспыхнуть.

Она медленно обвела взглядом лица своих придворных, затем замершую в ожидании толпу. Казалось, она взвешивала на невидимых весах возможный скандал... и желание.

Весы сегодня качнули в его сторону.

К всеобщему изумлению, её губы дрогнули в едва уловимой, почти вызывающей улыбке. Она сделала лёгкий, изящный шаг вперёд, к самому краю платформы, и опустила свою руку в его ожидающую ладонь.

— Да, Ваше Сиятельство, — прозвучал её голос. — Но только один. И постарайтесь не растоптать мне ноги. Ваши сапоги выглядят весьма... основательно.

Лёгкий, нервный смешок пробежал по рядам придворных. Стражники отступили, но их позы оставались напряжёнными, а взгляды прикованными к Элдару.

Он ощутил, как её тонкие, прохладные пальцы легли на его шершавую ладонь. Тактильный контакт, такой долгожданный, ударил током по всему его телу. Он мягко, но уверенно помог ей сойти с платформы, и они направились к танцевальной площадке.

Толпа перед ними расступалась, как по волшебству, образуя живой коридор. На лицах людей читалось изумление, любопытство, а у некоторых и нескрываемое неодобрение. Шёпот, похожий на ропот прибоя, покатился за ними: «Королева... с пленным... с драконом...»

Но Элдар больше не слышал этого. Он вёл Реми к центру подмоста, чувствуя, как каждый её шаг отзывается в нём глухим эхом. Музыканты, увидев приближающуюся пару, плавно усилили звучание, и мелодия полилась ещё нежнее, ещё проникновеннее.

Он остановился, обернулся к ней. Они стояли посреди сияющего круга, в центре всеобщего внимания, под перекрёстными взглядами сотен глаз. Но в этот миг для него существовала только она. Её тёмные глаза, в которых теперь горел сложный огонь вызова, и то же самое нетерпение, что пожирало его самого.

Он положил одну руку на её талию, другую поднял, продолжая держать её руку. Платье под его ладонью было тонким, он чувствовал тепло её тела, лёгкий изгиб стана. Она слегка коснулась его плеча свободной рукой. Он держался на дистанции, предписанной этикетом, но между ними висело напряжение, которое могло расплавить сталь.

И они закружились.

Первые шаги были осторожными, почти робкими. Он, отвыкший от балов, сосредоточенно следил за ритмом. Её движения были лёгкими и уверенными, компенсируя его некоторую скованность. Но постепенно, их шаги стали плавнее, увереннее. Они двигались как единое целое, забыв на мгновение о зрителях, о титулах, о войне и плене.

— Ты сошёл с ума, — прошептала она, едва шевеля губами, и её улыбка стала чуть шире, почти озорной. — При всём честном народе.

— Ты сказала, что никто не должен знать о нашей ночи. Но ничего не говорила о том, что я не могу за тобой поухаживать сейчас. И ты приняла приглашение, — так же тихо парировал он, чувствуя, как уголки его губ сами тянутся вверх. — Значит, ты тоже сошла с ума.

— Я королева. Не могла же я допустить скандала. Мне положено быть милосердной к не вполне адекватным подданным, — сказала она, но в её голосе не было ни капли высокомерия, только та же лёгкая, игривая ирония.

Они сделали оборот, и на миг её спиной к толпе, он почувствовал, как её пальцы слегка сжали его ладонь.

— Зачем, Элдар? — спросила она уже без шуток, и её взгляд стал серьёзным, вопрошающим. — Мы же вроде договорились.

Он замер на мгновение в танце, но тут же подхватил ритм. Как ей объяснить? Как рассказать о призраке Первокрылого и его безумных пророчествах? Здесь, сейчас, под сотнями глаз?

— Позже, — прошептал он, и в его голосе прозвучала мольба. — Не здесь. Просто... танцуй со мной.

Она смотрела на него, и в её глазах боролись противоречия. Но потом она медленно, почти незаметно кивнула. Её рука на его плече слегка расслабилась, а тело стало чуть податливее, чуть ближе.

Он не знал, сколько прошло времени — минута, час? Но когда музыка наконец затихла, завершившись долгим, нежным аккордом, они остановились. Аплодисменты, сначала робкие, а потом всё более громкие, прокатились по толпе.

Реальность вернулась к Реми первой. Она медленно, будто сквозь силу, отвела руку от его плеча и выскользнула из его объятий. Её лицо снова обрело привычное, спокойное выражение, но глаза всё ещё выдавали бурю.

— Благодарю вас за танец, генерал Ашвинг, — сказала она громко, нарочито формально, чтобы её слышали окружающие. — Вы хороший партнёр.

Она сделала едва заметный кивок, давая понять, что аудиенция окончена, и повернулась, чтобы в сопровождении тут же сомкнувшихся вокруг неё стражников и придворных вернуться на свою платформу.

Но, отходя, она на миг обернулась. И её взгляд, быстрый, как укол иглы, встретился с его. Элдар остался стоять посреди опустевшей танцевальной площадки, чувствуя, как в ладони, только что державшей её руку, медленно остывает её тепло. В ушах звенела музыка, а в сердце бушевала смесь триумфа, растерянности и всепоглощающей, сладкой боли. Он заставил себя глубоко вдохнуть и медленно, стараясь не выдавать дрожи в коленях, направился туда, где у лотка со сладостями, разинув рот от увиденного, стоял Флип, в одной руке зажав полуобглоданный пирожок, а другой протирая глаза, будто не веря им.

Предсказание Рассерса висело в сознании тяжёлым, нерасшифрованным грузом. Но сейчас, в этот миг, Элдар почти не думал о нём. Он думал о её руке в своей. О её взгляде. О том, что, драконы не спрашивают, а берут. И он ее добьется! Она будет его женой!

Как бы безумно это ни выглядело.

Если вам нравится история, просьба поставить звездочку и оставить комментарий. Автору будет приятно!

Глава 9

Три дня.

Три дня город говорил только об одном.

Весь Аэлиндор гудел, как потревоженный улей, а витающий в воздухе шепот, смех и возмущенные возгласы были сотканы из двух имен: Реми и Ашвинг. Их танец стал пищей для каждой утренней сплетни в пекарне, для каждого обсуждения в порту за кружкой пива, для каждого приглушенного разговора в аристократических салонах за бокалом вина.

В ларьках на площади торговцы, приторговывая яблоками и пряниками, с жаром обсуждали детали, которые никто не мог знать наверняка, но все передавали как истину: «Говорят, он так пристально на нее смотрел, что свечи в фонарях погасли от зависти!», «А я слышал, она прошептала ему что-то, и он весь побелел!», «Нет, краснел! От желания!». Дети, подражая, кружились на мостовой, один изображая важного дракона с накинутым на плечи одеялом, другая — королеву с венком из полевых цветов на голове.

В тавернах к обсуждению подходили с практичной прямоотой.

— Ну и что? — хрипел за стойкой бывалый моряк. — Мужик он что ни на есть. Герой, хоть и вражий. А она — баба. Давно пора ей о муже подумать.

— Да какой он ей муж! — горячился молодой подмастерье кузнеца. — Он же пленный! И дракон! Ты представь, проснешься ночью, а рядом ящер огнедышащий! Жена с ума сойдет!

— А моя, может, и не сошла бы, — хмыкал первый, подмигивая. — Говорят, у них это... темперамент.

Среди аристократии тон был шипящим и ядовитым. За чашками тончайшего фарфора в будуарах и курительных комнатах обменивались и сплетнями, и «тревожными наблюдениями».

— Это совершенно неприемлемо, — говорила пожилая графиня, поправляя кружевную манжету. — Снисхождение — одно дело. Но публичный танец? Что дальше? Прогулка под ручку по Лунному бульвару?

— Он хотя бы герцог! — возражал молодой, честолюбивый барон, играя перстнем с фамильным гербом. — Но может это просто политический жест.

— Или женская слабость, — вставлял третий, с холодными глазами. — Молодая, одинокая... Поддалась обаянию. Опасная слабость для трона.

Двор замер в выжидательном напряжении. Министры, получившие публичный щелчок по носу, молчали. Бекмар ходил мрачнее тучи, его молниями расшитый мундир будто искрил от подавляемого гнева. Слип нервно перебирал бумаги, прикидывая, как повернуть этот скандал в свою пользу. Лорм же наблюдал, его худое, аскетичное лицо ничего не выражало, но ум работал неустанно, складывая пазл из поступков королевы.

Сам Элдар эти три дня провел в странном, двойственном состоянии. На него в порту смотрели иначе. Одни смотрели с уважением, смешанным с опаской («Смотри-ка, королеву-то танцевать вывел!»), другие — с откровенной неприязнью («Возомнил о себе, тварь крылатая»). Но все без исключения стали держаться от него чуть дальше.

Он работал молча, механически, чувствуя на себе жгучую метку всеобщего внимания. Его мысли были далеко, в воспоминании о её руке в его, о её гибком стане под ладонью, о том мгновенном, красноречивом сжатии её пальцев. И поверх этих сладких воспоминаний, как тяжелая, холодная плита, лежали слова Рассерса и его пророчества.

Он ломал голову. Междумирье? Ни в летописях Эльхарии, ни в смутных рассказах старейшин драконьих родов он не слышал такого термина. Это звучало как что-то из детских сказок про щели между мирами, куда можно провалиться. Но, похоже, это была совсем не сказка. Что это за ловушка? И как она связана с Реми?

А кольцо... Магическое кольцо мага Интеррегнума. Доступ к нему для пленного, да еще и дракона, был невыносим. Как его получить? Украсть? Выпросить? И зачем оно ему, если его собственная магия подавлена наручами? Вопросы звенели в голове безысходным хором.

Флип, верный барометр городских настроений, принес ему вместе с обедом и свежие слухи, как кот мышку.

— На кухне дворцовой, слышал, повариха с камердинером чуть не подрались! Она говорит — «романтично!», а он — «позор!» У фонтана Рыжей Лисы песню уже сложили, про дракона и жемчужину в короне! Правда, похабную, я не всю запомнил... — Он смолк, видя, что хозяин не реагирует на его реплики. — Элдар? Ты как?

— Работаю, — коротко бросил Элдар, перекачивая очередную бочку.

— Да не про работу! — Флип забежал вперед, заглядывая ему в лицо. — Это ведь к ней ты на свидание тогда ходил. Ты... ты же влюблен в нее, да?

Элдар резко остановился. Взгляд его, тяжелый и усталый, упал на мальчишку.

— Это не твое дело, Флип.

— Мое! — уперся тот руками в боки. — Если ты в нее влюблен, и она в тебя... то это же здорово! Только... — его пыл немного угас. — Только страшно как-то. Министры на тебя косо смотрят. Говорят, в Совете опять кричали.

«В Совете опять кричали». Эта фраза заставила Элдара нахмуриться. Значит, его импульсивный поступок не просто взбудоражил толпу, но и раскачал и без того шаткую лодку придворных интриг. Он поставил Реми в неловкое положение. Возможно, даже опасное.

Именно в этот момент привычный гул порта сменился на резкие, отрывистые окрики, заглушавшие даже скрип лебёдок и крики чаек. Потом раздался мерный, тяжёлый топот сапог по каменной набережной.

Элдар поднял голову. От главных ворот порта, рассекая толпу рабочих, как клинок масло, шёл отряд стражников в полном боевом облачении. Дворцовая гвардия в лакированных кирасах, с примкнутыми к арбалетам штыками. Их лица под опущенными забралами шлемов были невидимы, но позы говорили о готовности к обороне.

За ними, сохраняя дистанцию, двигалась другая группа. Десятка полтора мужчин и женщин в длинных, простых, но отмеченных вышитыми знаками мантиях. Их руки были свободны, лица сосредоточены, а вокруг них воздух слегка мерцал, как над раскалёнными в зной камнями. Боевые маги, те самые, что поддерживали щиты и металы заклать на поле боя.

Бригадир, здоровенный детина с лицом, обветренным морскими штормами, бросил свою тачку и шагнул навстречу офицеру.

— В чём дело, капитан? Смена ещё не кончилась.

Офицер, не замедляя шага, выкрикнул командным, не терпящим возражений голосом, который перекрыл весь портовый гам:

— По приказу Ее Величества и Военного Совета! Порт закрывается! Все гражданские лица должны немедленно покинуть территорию! Кораблям оставаться у причалов, командам не сходить на берег! Спокойно, без паники! К своим домам!

Его слова, как камень, брошенный в воду, породили круги сначала изумлённой тишины, а затем нарастающего гомона.

— Что? — Закрывается? Да как же грузы? — У меня партия скоропорта завтра должна отходить! — Кричали возчики и торговцы.

Но стражники уже начали мягко, но неумолимо подталкивать людей к выходу, образуя живой коридор. Маги же рассредоточились по периметру доков и складов. Некоторые из них подняли руки, и от их пальцев побежали по воздуху невидимые глазу волны, стущаясь в барьеры из переливающейся энергии у ворот и проходов.

В этот момент один из магов, стоявший на возвышении у края причала, поднял руки. Его голос, усиленный магией, прокатился над затихающим портом.

— Внимание, жители Аэлиндора. Обнаружена нестабильность в барьерах междумирья в западном секторе. Существует вероятность проникновения враждебных внепространственных сущностей, известных как илидинги. Для вашей безопасности порт и прилегающие районы закрываются. Просьба ко всем сохранять спокойствие и немедленно проследовать к своим домам. Городская стража и магический корпус контролируют ситуацию. Повторяю: сохраняйте спокойствие и возвращайтесь по домам.

Слова повисли в воздухе, и на секунду воцарилась гробовая тишина. А потом её разорвал чей-то сдавленный, истеричный вопль. И толпа, до этого замершая в нерешительности, дрогнула и хлынула к выходу. Уже не организованно, а в паническом, давящем потоке.

Флип, до этого вертевшийся рядом с Элдаром, вдруг побледнел как полотно. Его глаза округлились, а пальцы вцепились в рукав Элдара так, что побелели костяшки.

— Элдар... — прошептал он, и голос его дрожал. — Элдар, пошли. Быстро. Пошли домой.

Элдар не двигался. Он стоял, впиваясь взглядом в магов, в их мерцающие барьеры, в стражников, отсекающих порт от города. В его груди дракон зашевелился, почуяв чужую магию, напряжённую, готовящуюся к бою.

— Что случилось, Флип? — спросил он тихо, не отводя взгляда. — Кто такие илидинги?

Мальчишка дёрнул его за рукав с такой силой, что Элдар наконец посмотрел на него. На лице Флипа был не просто испуг, а первобытный, животный ужас, которого Элдар не видел у него даже в самые тяжёлые дни.

— Илидинги... — Флип заговорил быстро, скороговоркой, озираясь по сторонам, как будто боясь, что само слово привлечёт внимание. — Это из старых страшилок. Из других миров. Они... они как тени. Высасывают из тебя все! Жизнь, тепло, свет, магию. Их лет двести никто не видел! Говорили, что все порталы к ним разрушили, запечатали... — Он сглотнул, и его взгляд метнулся к магам, возводящим барьеры. — Значит, нашли новую щель. Или она сама открылась, и они смогли просочиться. И скоро будут здесь.

Флип, не отпуская рукава Элдара, потащил его за собой, протискиваясь между бегущими людьми.

— Домой, Элдар, домой! — кричал он, и его голос терялся в общем гуле.

— Идем!

Элдар позволил Флипу тащить себя. Мальчишка дрожал, как осиновый лист, его пальцы впивались в рукав Элдара с силой отчаяния. Генерал в Элдаре кричал, что бежать с поля — позор, но он подавил его. Сейчас Флип был важнее.

Он окидывал беглым, привычным взглядом отступающий порт. Гвардейцы выстраивали второй рубеж у внешних ворот, маги концентрировали энергию барьеров на западной стороне, откуда, судя по всему, ждали угрозу. Но что-то было не так. Расстановка сил была слишком статичной. Они готовились держать оборону на месте, не создавая мобильных резервов для контратаки или перехвата, если угроза проявится в неожиданном месте. «Узники своей доктрины», — мелькнула в голове мысль. В Эльхарии за такую тактику сняли бы с командования. Но здесь не Эльхария. И он больше не генерал.

Именно тогда, когда они уже почти выбрались на одну из узких улочек, ведущих от порта вглубь ремесленного квартала, он её увидел.

Небольшую, тёмно-зелёную, неказистую карету. Та самая, что была в обозе полгода назад. Она стояла в тени высокого склада в стороне от основного потока бегущих, почти незаметная. Окна были затянуты плотными шторами, но дверца со стороны, противоположной порту, была приоткрыта. И в её проёме, на мгновение, высунувшись, чтобы окинуть взглядом суматоху, показалось знакомое лицо.

Инстинкт заставил Элдара замедлить шаг. *Почему здесь? Почему не с королевой во дворце?* Мысль о Реми ударила, как обухом. Если слуга её доверенное лицо, и он здесь, в эпицентре хаоса... значит, она может быть где-то рядом. Или в опасности.

Он хотел остановиться, подойти, вырвать ответы из этого каменного лица, но Флип, почуяв его колебание, дёрнул за рукав с новой силой.

— Элдар, нет! Не туда! Домой! Они сейчас по всему городу будут! — в голосе мальчишки слышались слёзы. Он смотрел на карету не с любопытством, а с новым витком ужаса, будто этот тёмный деревянный ящик был предвестником чего-то ещё более страшного.

Элдар сжал челюсти. Генерал в нём метался: разведка требовала проверить, но долг приказывал спасти вверенного ему ребёнка. Он посмотрел на бледное, искажённое страхом лицо Флипа, на его цепкие, белые от напряжения пальцы. Нет. Не сейчас.

— Хорошо, — проскрежетал он сквозь зубы, отрывая взгляд от загадочной кареты и вновь начиная двигаться, почти неся Флипа вперёд. — Домой. Быстро.

Они бежали по опустевшим улицам, мимо захлопывающихся ставней. Гул порта остался позади, но его сменил другой — низкий, нарастающий, идущий словно из-под земли и из воздуха одновременно. Воздух стал тяжёлым, заряженным, колючим. Даже привычный магический гул города исказился, превратившись в тревожный вой.

Влетев в свой переулок, Элдар на ходу открыл дверь, втокнул Флипа внутрь и заперся на все засовы.

— В подвал! — скомандовал он, указывая на люк. — Спрячься в дальнем углу, за бочками. Не выходи, пока я не приду.

— А ты? — глаза Флипа были полны ужаса.

— Я буду здесь. Наверху. Иди!

Затолкав мальчишку в подполье и придвинув к люку тяжёлый стол, Элдар схватил дубовую колотушку для дров. Жалкое оружие, но лучше, чем ничего.

Он подкрался к окну в гостиной. Улица была пуста. Тот странный гул сгущался. Небо на западе, над холмами, потемнело неестественным, плоским цветом, будто кто-то выжег в нём дыру в иное место. И из этой темноты на город стали сползать тени.

Над портом небо вспыхнуло короткими, яркими всполохами синего, алого и ослепительно-белого цвета Боевые заклятия. Иллюминация беззвучного боя, словно кто-то зажжёт и погасил десятки молний за разрывом стены. Гвардейцы и маги держали оборону. Это было ясно по чёткому, организованному ритму вспышек. Илидингов в порту, видимо, было немного. Справиться должны.

Но дракон внутри него не унимался. Его внимание было приковано не к порту, а к западу, к тёмному массиву леса и холмов, что подступал к окраинам города. Элдар прильнул к окну, вглядываясь в темнеющий запад, туда, где начинались холмы и лес. Сначала он ничего не увидел — только сгущающиеся сумерки да тёмный зубчатый гребень деревьев. Потом показалось движение. Не чёткие силуэты, а сама тьма между стволами зашевелилась, заструилась. И из-за леса, из этой живой, ползучей тени, выползли они.

Бесформенные, тягучие, лишённые чётких очертаний, они стекали с холмов, как смола. *Расползались*, заполняя собой лощины, обтекая камни, медленно, но неумолимо приближаясь к городу. Они были похожи на клубы чёрного дыма, но дым этот вёл себя разумно, целенаправленно.

Сначала их было немного. Горстка. Потом десятки. А потом и сотни. Они стекались к барьеру, как муравьи к капле мёда, и окутывали его, исследуя невидимую глазу поверхность. Их движение было неспешным, почти ленивым, но от этого лишь страшнее.

И тут Элдар понял. Атака в порту была лишь отвлекающим манёвром. Жалкая горстка, чтобы связать лучшие силы города, оттянуть магов и гвардию от истинной угрозы. Основная масса илидингов подобралась с другой стороны, с наименее защищённого, холмистого участка. И теперь они всей своей безликой массой, всей своей леденящей сущностью *давили* на барьер. Не атаковали яростно, а методично, неумолимо, как вода, точащая камень.

Маги уже не справлялись. Их было слишком мало. Они старались держать барьер, но Элдар видел, как под напором теней барьер начал прогибаться внутрь. Сияющая ткань магии натягивалась, истончалась, издавая тонкий, высокий звон, который резал слух даже сквозь стены дома. Трещины множились, сплетаясь в причудливую паутину. В порту продолжали биться со вспышками и треском, но гул оттуда казался теперь жалкой, далёкой вознёй на фоне этого тихого, вселенского натиска.

«Долго не выдержит», — подумал он. Может, час. Может, меньше.

В его груди дракон рванулся с новой силой. Это был вопль ярости и вызова. Чужеродная магия, холодная, пожирающая пустота — всё это оскорбляло его огненную природу. «*Наш дом*, — бушевал зверь внутри. — *Наше небо, наша земля.*»

И именно в этот момент, внизу, на пустынной, серой от сумерек улице, он увидел их.

Двое фигур медленно двигались по переулку. Впереди тот самый слуга. Его осанка, обычно безупречно прямая, теперь была слегка согблена. В одной руке он сжимал небольшой, тускло мерцающий кристалл, в другой крепко, почти властно держал за руку свою спутницу.

Реми.

Она шла, покорно следуя за ним, но её походка была неестественной, механической. Ноги переставлялись ровно, будто по отмеренным шагам, плечи были опущены, голова склонена. Платье было запачкано пылью у подола, а на рукаве зиял небрежный разрыв. Но не это было самым страшным.

Её лицо было лишено какого-либо выражения. Прекрасные, тёмные глаза смотрели прямо перед собой, но в них не было ни страха, ни осознания происходящего, ни даже отражения мерцающих на западе магических барьеров. Они были пусты, как окна заброшенного дома. Щёки побледнели до мраморной белизны, губы слегка приоткрыты. Она напоминала изысканную фарфоровую куклу, которую кто-то вёл за собой на невидимой нитке.

Сердце Элдара сжалось. Это была она, но её сознание, её огонь, её воля — всё, что делало её Реми, — словно покинуло тело, оставив лишь красивую, послушную оболочку.

Слуга подвёл её прямо к двери его дома. Поднял руку и постучал. Негромко, но настойчиво. Звук был неожиданно громким в звенящей тишине переулка.

Элдар отшатнулся от окна. *Королева. Здесь. В таком состоянии.* Где её стража, её маги, весь её проклятый двор?

Дракон внутри ревел, требуя действия, требуя защитить своё. Но генерал в Элдаре цеплялся за островки логики. Слуга, по-видимому, был доверенным. Он не стал бы вредить своей королеве. Значит, это было спасение? Но спасение в таком виде? От чего? От кого?

Стук повторился. Твёрже.

Элдар глубоко вдохнул, пытаясь заглушить рёв дракона и хаос в голове. Он опустил колоутушку, подошёл к двери и отодвинул тяжёлые засовы. Дверь со скрипом открылась.

Слуга стоял на пороге. Вблизи его лицо казалось ещё более уставшим, иссечённым морщинами беспокойства. Его глаза, острые и умные, мгновенно оценили Элдара, его готовность к бою, его немой вопрос.

— Генерал, мы так и не познакомились. Меня зовут Лормис. — голос слуги был низким, сдержанным, но в нём вибрировала стальная нить срочности. — Можем ли мы зайти? Сейчас.

Он мягко, но решительно ввёл Реми в дом. Она переступила порог без сопротивления, без взгляда вокруг. Её рука в руке Лормиса была безжизненной.

— Что с ней? — вырвалось у Элдара, и его голос прозвучал хрипло от сдавленных эмоций. — Что вы сделали?

— Ничего, это всего лишь родовая магия. Она будет в порядке. А вот город, а с ним и весь мир, боюсь, в скором времени будет не в порядке.

Лормис закрыл дверь, не торопясь повернул ключ в замке, а затем поставил Реми у стены в гостиной, будто драгоценную вазу, которую боится уронить. Она осталась стоять, недвижи-

мая, её пустой взгляд уставился в стену. Воздух в комнате сгустился, наполнившись тревогой и немым вопросом.

Элдар не сводил глаз с Реми. Его пальцы сжались в кулаки так, что ногти впились в ладони. "Родовая магия", — прошипел он, обращаясь к Лормису. — "Вы что, заморозили её разум?"

— Разумеется, нет! — отрезал слуга, его голос сохранял ледяное спокойствие. — Это весьма увлекательная, но боюсь, не своевременная лекция о королевской родовой магии. Если Ваше Сиятельство не будет возражать, я расскажу вам ее в другой раз.

Он сделал паузу, дав Элдару переварить сказанное. Снаружи, на западе, раздался оглушительный треск барьера, но Лормис и бровью не повел.

— В праздник Дала, — начал он, быстро и чётко, как докладывают на совете, — была зафиксирована нестабильность в одном из старых, считавшихся запечатанными разломов между мирами. На поверхность выбрался, как мы думали, один илидинг. Его быстро выследили и уничтожили маги патруля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.